

КИРИЛЛ БЕРЕНДЕЕВ

СЕНТЯБРЬ ПРОШЛОГО ВЕКА

СБОРНИК ДЕТЕКТИВОВ

Кирилл Берендеев

**Сентябрь прошлого века.
Сборник детективов**

«Издательские решения»

Берендеев К.

Сентябрь прошлого века. Сборник детективов /
К. Берендеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855046-1

Почему молодой человек, выходец из Киргизии, жестоко убил соотечественницу, с которой едва знаком? Отчего дряхлый старик, подкараулив красный автобус, начал стрелять по нему? И куда пропал известный ученый, проводивший засекреченные опыты в своей лаборатории? Ответы на эти и другие вопросы ищет автор сборника. А следом за ним придется включиться в поиски и вам, читатель.

ISBN 978-5-44-855046-1

© Берендеев К.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Красный автобус	8
Фото на память	23
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сентябрь прошлого века Сборник детективов

Кирилл Берендеев

Корректор Игорь Харичев

Корректор Надежда Сипета

© Кирилл Берендеев, 2017

ISBN 978-5-4485-5046-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Всегда любил детективы. Подростком зачитывался Сименоном, Дойлом, Чейзом и Хэмметом. Да, что там говорить, ведь и писать что-то пристойное, начал именно с детективов. Правда, не с тех, классических, в которых умудренный жизнью или опытом сыщик, посасывая трубку или перебирая четки, разгадывает хитроумные загадки, подброшенные ему преступником. Когда подозреваемых полна деревня, а в день убийства, как назло, все ее жители и алиби не имеют, и хотели бы, вполне искренне, но не афишируя особенно, рассчитаться с убитым или убитой. Конечно, это сбивает настрой сыщика, но лишь до половины текста, примерно, с этого момента, следствие заканчивается, начитается охота за преступником. И вот, ловкость рук, все подозреваемые собраны в одной комнате, а некто, по фамилии Холмс, Пуаро, Браун или Мегрэ неторопливо рассказывает историю каждого, до тех пор, пока не остановится на последнем в очереди, на самом преступнике. Хотя, иногда выходит, что и преступников несколько, ведь за каждым грешком, тронутым сыщиком, может сыскаться еще один и еще, давно забытый, но так или иначе приведший к несчастью.

Подобное развитие сюжета мне было интересно, но лишь отчасти. После пятой, шестой, может десятой книги, я перестал играть в игру «угадай убийцу раньше автора». Мне казались неинтересными персонажи, предсказуемыми ходы, а инструментарий сюжета уже не мог обновиться, цепляясь за знакомые перипетии, в какой бы обстановке не происходило действие – в дорогом отеле или на Карибском пляже, в заброшенной хижине на острове... да хоть на астероиде, читал я подобное у Айзека Азимова. А посему к классическому детективу так и остался холоден. Порой, пытаюсь почитать что-то свежее, но из нового в тексте лишь маньяки и серийные убийцы. Поневоле возвращаюсь к любимым сюжетам, конца и края которым придумать даже в столь герметичном жанре, как детектив, весьма сложно.

Я говорю о нуаре, или открытом детективе. Там редко встречается следователь, само же расследование ведется, подчас, помимо воли главного героя, а тот, нередко, и сам является и подозреваемым, а часто и преступником, пытающимся всеми силами спастись от почти неизбежной длани закона. Дамоклова меч, ежеминутно готового обрушится всей тяжестью на голову. И почему-то именно страх перед неизбежным торжеством закона пугает, почему-то переживать хочется именно за преступившего его, быть может, потому, что закон суров и безразличен ко всем, а человек – он всегда останется человеком, в какой бы переплет ни попал. Мало, кто может понять его, еще меньше – помочь. Особенно, если само общество противится его существованию, не желая понять ни намерений героя, ни вникнуть в мотивы поступков. А может, он оказывается слишком своенравным, свободным, независимым для сограждан, и потому уже те хотели бы расправиться с виновным в несхожести с другими.

Это очень частый сюжет для любого нуара, будь то книга или фильм. В сборник «Сентябрь прошлого века», который я вам, дорогой читатель, хотел бы представить, как раз вошли подобного рода произведения. Иногда главную роль в них играет сыщик, пытающийся, несмотря ни на что, выискать, нет, не преступника, он-то как раз известен, но мотивы, побудившие его свершить шаг в пропасть. Может, чем-то даже помочь, превращаясь в силу понимания, в адвоката. Но большая часть произведений сборника это классические нуарные тексты. Главный герой борется с собой, с обстоятельствами, со следствием, пытающимся побыстрее замять дело, порой, со свидетелями, изначально предосудительно настроенными к нему. И правы они или нет, покажет только финал. Но ведь до него, как вы понимаете, еще предстоит добратся, а иногда это очень долгий, трудный, подчас, мучительный процесс. Завершая который, человек либо очищается, освобождаясь, либо погружается еще глубже в трясину, созданную своими и чужими руками. И выбраться оттуда... возможно, не получится никогда.

Не буду рассказывать подробности каждого дела, скажу только, что все они различны, несмотря на, порой, рамочное сходство. Скажем, в повести «Сентябрь прошлого века» и рассказе «Младшая сестра» композиция произведения аналогична, хотя сюжеты иные. То же можно сказать о «Свободе или смерти» и «Абстрактном мышлении»: оба рассказа происходят в герметичных помещениях, с двумя-тремя персонажами, которые и разворачивают все действие произведения. А вот различий, да, их много больше. Больше того, заключительные нуарные детективы сборника неожиданно отходят от строгого реализма и устремляются к фантастическим, на сегодняшний день, допущениям. Которые, только на первый взгляд, могут отнести данные тексты именно к фантастике. В их основе все одно лежит нуар, только окрашенный иначе. Да и потом, возможно, недалекое будущее окажется именно таким – чего, признаться, автору, размышлявшему о нем с точки зрения триллера, не больно-то и хотелось. Отчасти оно начинает сбываться, к счастью, не так быстро, как в произведениях, скажем, повести «Не уходи». Впрочем, не буду раскрывать всех перипетий сюжета. Предлагаю сделать это вам, читатель, и надеюсь, что собранные здесь опусы покажутся вам и любопытными и познавательными.

С искренним уважением, Кирилл Берендеев.

Красный автобус

Я не обратил бы на него внимания. Обычный старик, высокий, седовласый, бодро идущий через перекресток. И все же что-то насторожило. Остановившись на разграничительной линии, я закурил, поджидая зеленый, а он подобрался вдруг, передернувшись, словно затвор, я еще успел подумать, куда его, старого хрыча, понесло. Сделал четыре торопливых шага по «зебре» и вырвал руку из кармана, обнажая пистолет.

Сколько раз я видел оружие в руках, которым оно не предназначено, столько же спешил избавиться от этой тяжести. А тут вдруг замер, словно испугался.

Старик прицелился, выжидая, – и выстрелил. Метя в лобовое стекло красного автобуса, сворачивавшего с шоссе на проспект.

Сделал еще шаг, но пистолет вдруг оказался слишком тяжел. Наклонил к земле. Рука выронила оружие. Вот странно, звука выстрела я будто не услышал, зато падение уподобилось грохоту рухнувшей балки. Разом привело в сознание; выплюнув сигарету, я бросился к старику. А он уже падал на асфальт.

Замерли все и всё окрест. До слуха еще доносился визг тормозов автобуса, когда я оказался подле старика, лежащего на земле. А он уже вытягивал левую руку из кармана, с ТТ, и все пытался направить дрожащий ствол в сторону автобуса. И снова рука подвела.

Носком ботинка отбросил второй пистолет подальше, и склонился над стариком, прощупывая пульс на шее. Пальцы трижды почували тихое биение жилки, перед тем, как она утихла.

И только потом, после тишины, на несколько бесконечных секунд назад окутавшей старика, жизнь окрест продолжила свой бег. Прохожие, бессмысленно взиравшие на случившееся, очнулись: кто-то достал мобильник, кто-то поспешил полюбопытствовать. Остальные заторопились по делам, пытаясь убедить себя, будто ничего не случилось, огибали стороной мертвое тело, разбросанное оружие, торопясь перебежать на зеленый. А следом, когда зеленый зажегся для машин, и те, без сигнала, старательно объезжали нас, резко прибавляя скорость после встречи.

Чему я удивился в тот момент? – ведь так всегда и происходило. Разве тому, как быстро прибыл наряд ППС, дежуривший наискось у перекрестка, не прошло и пары минут, как двое ражих парней оказались подле меня, требуя показать руки и предъявить документы. Я медленно вытянул корочку, не взяв ее, младший сержант сообщил вихрастому товарищу: «это свой», не словами даже – неким знаком.

– Позвоните в ОВД, – я кивнул в сторону шоссе, где, в полукилометре располагалось неприметное здание розыска. – Спросите капитана Диденко. Это по его части. И вызовите «скорую» и... пистолет не трогайте руками. А вы сходите за водителем автобуса, узнайте, все в порядке, не ранен ли кто. И может, кто еще, кроме меня, видел момент стрельбы, – вряд ли, конечно, все давно разбежались. Уж очень не хочется связываться с нами.

А все равно приходится. Ругают почем зря, искренне ненавидят, требуют разогнать немедленно и навсегда, а стоит чему случиться – бегут с заявлением. Боятся, но бегут, порой на свою голову, и даже зная обо всем творящемся в полиции, не единожды читанном, слышанном, почувствованном, все равно приходят.

Наконец, они зашевелились: один направился к намертво вставшему у обочине красному автобусу, второй вынул рацию, и стал отпихивать зевак. Сухонький мужичок лет эдак сорока попытался что-то возразить, но отлетел дальше других, без церемоний. Ропот стихал. Собравшиеся желали дожидаться новых подробностей, погода не располагала, осень на дворе, да и ветер поддувал нешуточный. Уже трое снимали на мобильные.

Прибыла новенькая бело-синяя «ауди», захлопали двери.

– А, товарищ милиционер. Какими судьбами?

– Господа полицейские! Моё вашим, – опера сразу занялись делом, я отошел, чтобы не следить, потеснил зевак.

А в самом деле, какими? Живу на другом конце города, с самого момента ухода из тогда еще милиции, чего я забыл здесь, да еще в свой выходной? Снова приехал посмотреть, походить вокруг да около? Не пойми на что надеюсь, ведь я ни разу не видел ее с тех пор, как переехала сюда, за все эти годы. Почему тогда приезжаю каждую неделю, и брожу час-два вокруг дома, ведь у нее ребенок, в это время молодые мамы обычно гуляют с колясками перед обедом.

Сегодня не успел дойти до места дежурства. Старик помешал.

– А вот это уже интересно, – покружив вокруг убитого, Диденко расстегнул его черное драповое пальто. Изнутри оно было обшито карманами, кривыми, нелепыми, видимо, самим стариком и сделанными, не наспех, но без умения. И в каждом находились бумаги, корочки удостоверений, коробочки. Стас принялся доставать, по очереди опустошая каждый карман и передавая содержимое Шевцову, нашему криминалисту, уже нацелкавшему фотографий с места и теперь неторопливо просматривавшего каждый документ. Протокол подождет. Я подошел и смотрел, нервно сцепив руки за спиной.

Первым выбрался на свет военный билет: взят на учет двадцатого июля сорок второго, пехотинцем отправлен под Воронеж, две отметки об отличии в боях, затем уже Сталинград, ранен, вернулся в строй, снова отметки об отличии, еще одно ранение, наградной ТТ от командующего. Комиссован второго февраля сорок третьего. Награжден медалью «За оборону Сталинграда». Орденом Ленина.

Сразу после войны пошел учиться на инженера, ведь до нее работал монтажником. Восстанавливал из руин родной город. Оказалось, прибавил в возрасте, сбежав на фронт семнадцатилетним. Четыре похоронки, извлеченные из другого кармана, фотография, несколько писем: родители погибли под бомбежкой, сестра умерла через два года от пневмонии. В пятьдесят пятом из родных не осталось никого, он отправился в Казахстан.

Следующий карман, документы с пометкой от «особой папки» до «для служебного пользования», чем ближе к нашим временам, тем секретность ниже. Кажется, его пригласили втихую работать на Тюратаме. Официально он значился монтажником силовых установок в этом казахском ауле, но какие там установки. Через два года замелькало название места работы: площадка 10, изредка именуемая еще поселок Заря. Затем, город Ленинск, который только недавно обрел привычное всем название Байконур. Почтовый ящик с письмами из высоких инстанций тоже менялся – Москва-400, Кзыл-Орда-50, Ташкент-90, – будто писавшие сами не знали, куда отправляют послания: не то в казахстанские степи, не то в небесное далеко. Но адресата они находили всегда.

Истрепанная временем бумажка – характеристика, подписанная Королевым для приема в партию. Пятьдесят девятый год, он уже работал над проектами лунных спутников, в следующем году его повысили, теперь он получил специальность ведущего инженера-конструктора и почетную грамоту, всего их в кармане, грубо сложенных вчетверо, находилось полтора десятка. Несколько значков, орден Дружбы народов, именные подарки от Мишина и Глушко, новых генеральных конструкторов, последовательно сменивших Королева: за разработку сперва авиационно-космической системы «Спираль», затем многоцветного корабля «Буран». Еще фотографии: в начале шестидесятых познакомился с девушкой, работавшей на стендовых испытаниях узлов новых ракет-носителей; два свидетельства о рождении: родился сын Аркадий, через год дочь Елена. Письма: оба покинули отчий дом, сын отправился в Куйбышев, продолжать отцовское дело, дочь в Харьков, найдя там любимого. К этому времени начались первые испытания многоцветного советского челнока – еще одна

порция грамот и благодарственных писем. Несколько лет – и труд оказался завершен – «Буран» отправился в первый полет.

Еще два года и стало понятно – первый полет стал последним. Союз развалился, космос разом не нужным. Старик, тогда уже старик, упорно не выходявший на пенсию, получил бумажку о сокращении, но Байконур не покинул, продолжал работать на стремительно сворачивающихся производствах, его методично гнали, он столь же упорно возвращался, трудовая книжка оказалась заполненной все новыми и новыми метами. Жена не выдержала этой гонки, как следует из сухой выписки медэксперта, проводившего вскрытие, скончалась от обширного инфаркта в девяносто пятом. Как раз тогда, когда с незалежной Украины пришло последнее письмо, дочь уезжала в Польшу с новым мужем, просила не писать и не искать. Он еще продолжал сопротивляться – и только в начале девяносто седьмого получил окончательный расчет, переехал в Москву, к Аркадию, где тот, уволенный ведущий инженер закрытого НИИ, с женой и двумя детьми подрабатывал охранником нескольких водочных ларьков, принадлежавших бывшему сокурснику, чьи дела шли сперва в гору, а потом, после кризиса, разом закончились. Обоих отловили «братки» или кто еще, с кем уговаривались об отсрочке долга, и расстреляли за городом; тела нашли только весной. Короткая заметка на последней странице «Вечёрки».

Квартиру пришлось продать, вжаться в коммуналку, затертая бумажка купли-продажи. Старик снова попытался устроиться на работу, пробовал продавать газеты по электричкам, расклеивать объявления по столбам, – всякий раз дело заканчивалось однообразным битьем, о чем свидетельствовали бесполезные заявления в милицию и справки из поликлиники. Он не сломался, стал консьержем в одном из соседних со своим домов, где проработал почти пять лет, попутно выбивая положенные ветерану войны льготы и надбавки. Пришлось дважды ездить в Волгоград, первый раз выписки из архива просто затерялись, и его погнали собирать бумажки по новой. Все их, включая билеты, он вложил в пальто.

И вроде бы все наладилось. Пока Диденко не добрался до последнего кармана. Газетная статья, копия милицейского протокола, результаты судмедэкспертизы. Оба внука, тогда уже пятнадцати и четырнадцати лет, были найдены мертвыми с еще тремя подростками в подвале собственного дома, где они ловили кайф, нюхая пары клея, замотав голову полиэтиленовым пакетом. Тот, кто должен эти пакеты снять, куда-то испарился, все нюхачи погибли. Удовольствие плебеев, буркнул Шевцов, просматривая бумаги и подсовывая мне, я отказался взять хоть одну в руки. Не знаю, что на меня нашло.

Еще одна выписка из медицинской карточки – мать сошла с ума, помещена в психлечебницу, откуда пыталась дважды бежать. Через год скончалась. Старик снова остался один на один со всем миром.

Последним бумагам я не удивился. Летом восьмого, вскоре после войны с Грузией, он поехал в Адлер, купил там «Вальтер», вдобавок к своему наградному ТТ, патронов к ним, тогда это стоило и дешево, а ветерану абхазы могли и вовсе подарить оружие и боеприпасы. Проведя неделю на курорте, вернулся. И четыре года ждал.

А сегодня пошел стрелять в красный автобус. Диденко протянул мне пачку, мы закурили крепчайшего табаку и долго молчали.

– Даже не двузильный, – наконец, сказал он, искоса посмотрев на меня, поджидая ответ. Я молчал, давясь кашлем, Стасовы папиросы драли горло рашпилем. Уж забыл, что он курит «Беломорканал». А отказаться от протянутой папиросы не мог. Дружили мы крепко, пусть и в давнем прошлом. – Чего ж он так долго ждал?

– Может, рехнулся, – предположил Шевцов, упаковывая вещи старика в пакеты. – Эдак по жизни ломало, еще раньше могла крыша поехать. Вот и вышел за справедливостью.

– Вряд ли тронулся, все взял, тщательно подготовился и пошел как в последнюю атаку.

– Ну а я о чем? Чего ему иначе дался красный автобус? Кстати, а где его водитель? Ты говоришь, стрелял в лобовое, точно? – я кивнул.

– Записки у него не было, – запоздало сказал Диденко. – Надо у старика на квартире все осмотреть, может, забыл.

– Для сумасшедшего вполне логично.

– Да непохоже, чтоб рехнулся, – сказал я. Мы перебрасывались одними и теми же предположениями, пока не подошел водитель. По-русски он говорил плохо, к тому же был сильно напуган, но хоть не ранен. Подал липовую регистрацию, на которую Стас не взглянул и долго путался в словах. Диденко его отпустил и сам подошел осматривать автобус, я потянулся за ним.

Внутри никого, все поспешили уехать. Я только сейчас обратил внимание, что это не был обычный рейсовый транспорт, а бесплатный челнок торгового центра, что возил покупателей до метро и обратно. Все время смотрел на старика, а вот автобус остался без внимания. Странно, ведь автобус красный, а у нас они редкость, чаще бело-зеленые. Сегодня вообще все как-то не так.

– Следов пули не нахожу, весь левый перед чист, – наконец, объявил Стас. – Ты уверен, что стрелял именно в лобовое?

– Я находился прямо за ним, в четырех шагах.

– Руку в последний момент могло повести, – спорить я не стал, вместо этого еще раз внимательно оглядел стекла и металл корпуса, на первый взгляд ничего, может только царапнуло. Стрелял с пары метров, мне отчего-то не хотелось верить, что старик промахнулся. Я уже подошел к стеклам салона, когда Шевцов неожиданно оказался передо мной с внутренней стороны, я вздрогнул и отпрянул. Он усмехнулся, уселся на переднее сиденье, наконец-то взялся за писанину.

– Здесь ни крови, ни пробоин. В молоко.

– Пулю надо найти.

– Ага, вон сзади пустырь, можешь облазить хоть весь, у тебя времени до фига, – за криминалиста влез Стас. – Ладно, сейчас утрясем формальности и сходим в его комнату.

– Может, за внуков мстил? – медленно произнес я.

– Продавцу клея или тому, кто на стреме стоял?

– Не знаю. Я ищу в его действиях логику.

– Ты сам-то, когда работал, много дел с логикой видел? Ну то-то. Курить будешь? – я покачал головой. Вот странно, старик задел меня чем-то, зацепил внутреннюю струну, захотелось понять, докопаться до сути. Я думал, этот голод по работе сошел еще в стажерах, но нет, снова проявился. Стоило два года побыть внештатным сотрудником. Сам не знаю, почему я не ушел совсем, оставив себе эту лазейку? Ведь не собираюсь возвращаться.

Подъехала санитарная, старика запаковали в мешок, небрежно бросили на полку, зеваки стали расходиться: зрелище кончилось. Мне часто доводилось видеть, как машины сбивают пешеходов, сталкиваются друг с другом. И всегда одно: на несколько мгновений мертвая тишина, а затем будто из ниоткуда подходит серая, безликая толпа. Молча смотрит, в последние годы еще и снимает. Потом выкладывает в сеть или в тихую хвастается увиденным. Именно хвастается, по-другому не скажешь. Вроде и сочувственно к жертве, но так смакуя подробности: иные свидетели в раж входили, потели, махали руками, краснели лицом. Будто вымещали на неведомой жертве свои страхи, жалея, радовались, что остановились, не стали переходить, успели вернуться. Что почувствовали что-то иное, кроме холодных прикосновений нового дня. Будто впервые оргазм испытали.

Таня говорила мне нечто подобное, когда... нет, не буду сейчас.

Врач с санитарной машины пообещал закончить завтра, и так дел навалом. Бухнул дверью и скрылся. Шевцов ходил среди уже откровенно разбегавшихся зрителей, без толку,

свидетелей не нашлось, он реквизировал машину и отправился в отделение. Может потом будут, ведь я не один тогда стоял на полосе. Хотя кому они завтра, Диденко получит заключение, отдаст дело и примется разгребать старые завалы. Как-то не хочется, чтобы о старике забывали столь быстро. Как-то... больно мне за него что ли? Ведь не просто же так он вышел на улицу с двумя пистолетами и полной информацией о себе. Не просто так не стал обращаться в органы, а решил вести свои счета. Может, у него в каморке все же найдется записка.

Мы же со Стасом отправились к дому, зачуханной серой шестнадцатизэтажке, обросшей остекленными балконами как затонувший корабль раковинами. Шестой этаж, лифты не работают, обшарпанная лестница, изрисованная похабщиной, заваленная пивными банками и шприцами. Диденко позвонил, ответа не было, взятыми у старика ключами, в нарушение всех инструкций – а когда иначе? – вскрыл коммуналку.

Меня и сейчас спрашивают знакомые по торговому центру: неужели и в Москве есть коммуналки? Когда я киваю, задавали второй: «Почему?».

Что я мог ответить? Коммуналки были всегда, правда я никогда не жил в них. Мой отец, тоже милиционер, под конец жизни дослужившийся до начальника главка, получил трехкомнатную квартиру – и это на семью из трех человек, по советским меркам просто роскошь. А напротив, тоже в трехкомнатной была коммуналка, в большой комнате жил мой одноклассник с родителями и бабушкой, в соседней старушка, ветеран войны, и в самой маленькой, молодые, недавно вставшие в бесконечную очередь по улучшению жилья, сперва с одним, а потом двумя детьми. Не знаю, далеко ли они продвинулись, я уж столько лет не был в доме, где родился.

И тут тоже, трехкомнатная. Квартира старика самая дальняя от входа, планировка удивительно похожа, наверное, один проект. Я замер на пороге. Первое, что бросилось в глаза – идеальный порядок. Все разложено по полочкам, упаковано, вычищено, так, словно комната выставлена в наем и ждет придиричивых постояльцев. И только на столе лежала книжница. Диденко поднял ее, хмыкнув, бросил обратно. Справка о состоянии здоровья, это нам, отметить последние подозрения в невменяемости.

– Чертов хрыч, – глухо произнес Стас, садясь за стол. – На тебя похож, кстати. – И отвечая на мое удивление: – Любит доводить дела до упора. Чтоб всем все понятно стало.

– Не я. Мой отец.

Оперативным работником ли, или как в последние годы начальником, он во всем и везде, при любых обстоятельствах требовал соблюдения закона и порядка. И неважно, зыбка ли почва, гневливы небеса, он оставался кремнем до конца дней своих. И вколачивал, не ремнем, но словом, простые истины, вбитые в него еще дедом, прошедшем две войны. Передавая накопленный двумя поколениями опыт в единственного сына. Наследника династии служителей закона. Методично, настойчиво, подчас сурово, но никогда не шутя. Он бывал добрым, веселым, странно, но смеха его я не помню. Помню подарки, обязательно с наставлениями, помню улыбку, а смех – казалось, такого с ним не могло произойти. Слишком подтянут, внимателен, строг, беспредельно строг к самому себе. Никогда не облокачивался на спинку стула, всегда мог обернуть беззаботный пустой разговор в серьезное русло. Никогда не оставался в стороне, если помогал, то со всем старанием. Он все делал так, никогда не подавая даже вида, что это что-то ему не по силам. Когда сердце шалило, когда ломило голову, когда крочил ревматизм, он через не могу, шел и добирался до своей правды. Вызывая одновременно и страх и безмерное уважение.

И все это завещал мне, когда ушел в девяносто втором, когда, наверное, впервые в жизни, не смог подняться по единственной уважительной для него причине – остановке сердца. И я, сокрушенный его смертью, долго стоял у постели, очень долго, пока не подъехали врачи, никуда не торопившиеся, ведь спасать уже некого. Молча стоял, не плакал, как ни уговаривала мама. Зная, что ему так будет понятней, естественней мое горе, пятнадцати-

летнего парня, нет, уже мужчины. Давно мужчины, только сейчас осознавшего свое положение в семье.

А когда первый шок, первая боль ушла, на каркасе созданного отцом внутри меня здания, я обнаружил пустоту, и холодный ветер, гулко завывающий среди недостроенных железобетонных стен.

– Да не надо, ты ведь тоже во всем хотел идти до упора.

Хотел, да не мог. Свою твердокаменную настойчивость отец, несмотря на все старания, так и не сумел передать мне – не нашел ни нужных слов, ни путей. А то, что смог, попыталась вытравить мать, впервые оказавшаяся один на один с враз повзрослевшим сыном, и безуспешно долго искавшая пути к его сердцу. Я ушел от нее в высшую школу милиции, окончил, заступил на первое дежурство, отправился на первое задание.

– Давай лучше искать, – я замолчал на полуслове. Комната старика вряд ли что нам скажет. Она уже чиста от своего владельца. – Лучше дождаться соседей.

На то не потребовалось много времени, через час прибыла семья: мать, моя погодка, и дочь лет десяти. Открытая дверь их обеспокоила, наличие полиции еще больше. Они замерли на пороге, хотя Стас и пригласил их внутрь, жестом хозяина предложив ветхий диван. Потоптались и нерешительно вошли, оглядываясь.

В точности я, когда заходил в отцову комнату. Да и похожи они были, нет, не обстановкой, но стерильностью. И тем, с какой нерешительностью их посещали. Сразу вспомнилось: вот точно так же я стоял, не в силах переступить невидимый глазу порог комнаты, вроде и дверь всегда открыта, даже когда отец спал, но порог, намеченный дорожкой паркета, заставлял останавливаться. Отец вставал без будильников, всегда ровно в шесть, как солдат, всегда готовый к новым поворотам судьбы, и как солдат ложился около полуночи, немедля засыпая.

Если кому-то надо было побеспокоить отца, он делал это из коридора. Если его вдруг приглашали в комнату, что случалось нечасто, наступала пауза, порой долгая. Особенно, когда отец вызывал меня на допрос по поводу какой-то промашки, шалости, непослушания. Внимательно выслушивал и выносил вердикт.

Диденко принялся опрашивать соседей. Известие о смерти старика повергло обеих в замешательство, они тщились сказать о нем что-то подходящее случаю, но нужных слов вдруг не нашлось. Только потом полилось, подгоняемое одно другим: «крепкий старик, столько пережил и вот», «печально это, хороший дедушка был», «строгий, но справедливый, и всегда помогал, если что», «подарки дарил, мне нравились», «у меня дочь его только и слушалась», «дедушка интересно рассказывал, хотя и старенький».

Я спросил про семью. Лица сразу омрачились. Да, семья, Елена Тимофеевна, как мужа своего потеряла, сразу сошла на нет, посерела вся. Они ж душа в душу жили. Даже дети не спасли, Аркадий больше оболтусами занимался, нежели мать. А после его смерти, она все на самотек пустила, прости, господи, ушла в себя, и никак и никто ее уже не мог вернуть. А ведь какая женщина была.

– А внуки что? Они ж все в одной комнате жили, – сейчас даже странно подумать, что здесь, в этой комнатухе обитало четыре человека. Был какой-то непорядок, разбросанная одежда, обувь на подоконнике, неубранные постели, шум голосов, споры и ссоры, беготня. Словом, дети.

– Конечно, в одной, понятно, что очень теснились. Сам старик от них ширмой отгораживался поначалу, ну чтоб не мешать. Потом, как постарше стали, занавеской разделили, вот здесь стояла кровать Елены Тимофеевны, вот тут, у окна, старикова, а вот тут двухэтажная братьев. За столом они занимались вместе всегда, помогали друг дружке... Я и сама не знала, что они нюхают клей-то. Вроде нормальные, ну баламуты, как все.

– Деньги воровали, ты сама рассказывала, – напомнила девочка. Мать кивнула неохотно.

– Да, воровали по мелкому. Я сперва не замечала...

– Как же не замечала, ты сама говорила...

– Ну да, говорила со стариком. Он многое им прощал еще. Почему и не уследил. Его пенсию они почитай всю на ветер пускали. Да и потом, Аня, отойди от шкафа, потом, мне кажется, старший кулаки в ход пускал. Я не видела, но угрожать несколько раз угрожал.

– А старик? – трудно поверить, что такому вообще можно угрожать.

– Любил он их. Или уже нет. Но прощал.

– Ты сама сказала, как их не стало, дедушка свободней вздохнул, – от Анечки ничего оказалось не скрыть.

– Он как один остался, небольшой ремонт сделал, своими силами. Комната совсем другой стала, теперь и не узнать. Да и сам он изменился

– Ты говорила, на похороны не ходил....

– Скажите, – не выдержал я, – за последние дни, недели, месяцы, может еще больший срок, он сильно переменялся?

– Вы так странно спрашиваете, – задумчиво ответила женщина. – Мне кажется. Да нет, как один остался, вроде ничего... разве что за Аней стал приглядывать больше. Учить всякому.

– Мы вместе уроки делали, когда мама не успевала.

– А после того, как он в Сочи уезжал? Четыре года назад?

– В Сочи? Нет, не помню, чтобы что-то особенное случилось.

– Я тогда в школу пошла. Дедушка провожать меня тоже...

– Да какой он тебе дедушка, – неожиданно резко ответила мать. Анечка обиженно замолчала, надувшись, убежала к себе.

– Так зачем же пошел? – невольно вырвалось у меня, когда мы покинули комнату, выбравшись в коридор. – Ведь, если не мстить.

– Может и мстить – обществу, например, – холодно возразил Диденко.

– Не похож он на человека, который решил свести счеты с жизнью, потому что у него все плохо, а все в этом виновны. И потом, он столько готовился. Ты какой конспект у него нашел, там ведь всё, – мы снова заспорили и снова ни к чему не пришли.

– Старик тебе уже в душу влез, ты так его выгораживать стал, будто родной, – неожиданно сказал он.

Может и так. Отца мне всегда не хватало. Последний десяток лет он то и дело всплывает в памяти. Или в снах. Последнее время мне часто снятся сны.

Он старался, чтобы я рос развитым, настоял, чтобы я шел в детский сад, осваивать азы общения с себе подобными, а не сидел дома, пусть мать и не работала с моего дня рождения. Потом были секции самбо, баскетбол, теннис, а воскресеньями он часто водил меня в тир, а после мы шли в парк и ели мороженое. Видя мою любовь к детективам, он старался привить серьезное отношение к чтению. Я взялся за Достоевского, Бунина, Чехова. У матери были связи в библиотеке, она доставала редкие книги. Я читал, старательно, отец потом часто спрашивал, интересовался, что я вынес из прочитанной книги. Я отвечал, иногда с удовольствием, иногда лишь бы сказать. В последние годы он стал водить меня в главк, приобщал к духу. Потом мы опять гуляли в парке, обсуждали. Странно, что я исподволь противился этому, или мне теперь кажутся приятными те прогулки и долгие беседы? Когда пошел по его пути, когда понял верность отцовых слов?

Он не хотел делиться только со мной одним, часто старался пригласить кого-то из моих друзей, да и я пытался не раз побыть вместе с ним с компанией. Вот только не шел никто, отца уважали, но куда больше боялись. Не хотели общаться, отнекивались, ссылались на что

угодно. Он всякий раз пожимал плечами, говоря: «У тебя будет расспрашивать, расскажи подробней». Но спрашивали мало и неохотно, мои ответы считали отцовыми; отчасти так и было. Он строил не только и не столько фундамент моей жизни, сколько закладывал сам дом, широко, уверенно, с тем размахом, который мог себе позволить. И я молча следовал его заветам, его проектам, хотя очень хотел попробовать сам, вложить свою лепту в его строительство, которое ни тогда, ни сейчас одному не потянуть. Особенно теперь, когда не смог сам создать в этих холодных стенах хотя бы жалкое подобие уюта. Таня, она могла, она ведь совершенно другая...

Диденко, узнав телефон других соседей, решил опросить и их, звонок застал тех на даче, о старике Стас выяснил и того меньше. Да, пацаны очень поздно всегда возвращались, шумели, иногда под газом приходили. И да, старику доставалось от них, точно.

Не успел убрать мобильный, как тот взорвался трелью, напоминая о неотложных делах. Стас извинился, и поспешил вниз, оставив меня нога за ногу брести по лестнице. За спиной слышались торопливые шаги. Я обернулся – соседка старика быстро спускалась по лестнице.

– Простите, я не хотела при дочке. Мне не нравилось, как старик ее обхаживает. Ну как свою. Я знаю, сейчас Ане особое внимания требуется, я не успеваю нигде, на двух работах, но почти чужой человек, да еще... понимаете, сколько дверь в дверь живу, а я о нем ничего не знаю. О себе всегда молчит. Будто камень за пазухой.

– Сына же убили, а потом внуки, сноха...

– Я понимаю, все понимаю, но... С Анечкой возится тоже странно, вроде воспитателя, что ли. Не понимаю я его, совсем. Может, хоть вы разберетесь, я ведь обязана знать, – она говорила о старике так, будто не слышала час назад о его смерти. Или не верила в нее.

Я тоже не верил. Не хотелось верить в смерть отца, думалось, ну сейчас, вот врачи приедут, они сумеют, они смогут: он снова поднимется, расправит плечи. И тут же в памяти всплывала мать, сидящая рядом с узкой, словно койка, кроватью. Вот странно, мне ни разу не приходило в голову удивляться, что они не спали вместе. Что меж ними не было ни близости, ни нежности, ни дружества даже. Вроде как соседи, нет, не так, вроде как домохозяйка, нанятая еще и присматривать за ребенком. Они почти не разговаривали между собой, а если и говорили о чем, то речь шла прежде обо мне, отец выспрашивал, уточнял, напоминал. Мать молчала, согласно кивая, говорила, лишь когда он давал на то позволение.

Вот и тогда, сидя подле кровати, не смела отойти, ждала, когда поднимется, когда даст новое напоминание, разрешение уйти. Даже когда тело забрали, долго сидела: я напомнил ей о наступившем вечере, она поспешила на кухню, забыться там за готовкой.

Странно, я ее не воспринимал никогда как мать. Вроде была полжизни со мной какая-то женщина, вроде и родная и в то же время, как соседка, как домработница. Отец только раз рассказывал, как они познакомились, как он убедил, после двух лет пустого брака, родить ребенка, обязательно мальчика, по этому поводу они ко врачам обращались.

Рассказал это незадолго до смерти, пытаясь поделиться, неумело, словно не знал, как это делается, верно, на самом деле, не знал. Хотел вдруг установить некое дружество, изменить отношения, но не успел. Только и рассказал про встречу, про суровые ухаживания, про прямое предложение, и ее немедленное согласие.

Через месяц ушел. Таня, услышав это от меня, почему-то заплакала. Я полез с вопросами, она отстранилась. Потом притянула к себе, поцеловала, даже курить разрешила, хотя терпеть не могла табака. Сколько мы были вместе, я как не понимал ее, так с этим и остался. То веселая, то печальная, тихая, насмешливая, обольстительная, колкая, тонкая, нежная и неугомонная, шутливая и шумливая – я не успевал за ее переменами. Не угадывал причин, двигался вслепую, как котенок. И вот странно, чем дольше был с ней, тем больше хотелось

бесшабашного веселья, безутешной радости, всего, что она успела подарить мне за почти два года общения. И черт с ним, с пониманием, я просто был счастлив ей.

А она? – подарив частицу себя, вдруг ушла, без объяснений, без склок, хотя и раздоры и примирения для нас составляли часть жития. Внезапно квартира оказалась пустой. Я звонил, пытался встречаться, но без толку. Потерпел два, нет даже больше, года, больше не смог. Теперь хожу, не понимая, не надеясь, – лишь бы увидеть. Мой дом стал еще холодней без нее. И пусть нам обоим в нем было неуютно, я ждал и верил, что она привнесет в уют и покой. Нет не покой, напротив, мне хотелось, чтоб ее дни со мной продолжались, суматошные, беспорядочные, неугомонные. А она словно устала от меня. Или от моего отца, ведь именно с ним с первого дня она вела бесконечные баталии. Я же, будто нарочно, призывал его.

Личная шизофрения – хотелось и беспорядка и покоя. И тишины и суматохи. И все никак не удавалось выбрать.

А может, не надо было выбирать?

Телефон пискнул. Звонил Диденко, сообщил о неожиданном свидетеле, пожелавшем дать свое видение случившегося на перекрестке. Я поспешил в отделение.

Та самая женщина, которую я опередил, переходя за стариком проспект. Волнуется, сидя на самом краешке кресла и посматривает то на капитана при исполнении, то на того, что в отставке. Нервно курит длинную сигарету, глубоко затягиваясь и пуская дым под ноги. Наверное, первый раз пришла. И еще я смутил своим появлением. Диденко умеет доверительно общаться с прекрасным полом, у меня этого никогда не получалось. Даже с матерью: по смерти отца, она сперва пыталась подстроиться под меня, будто ничего не произошло, потом, немного оттаяв, повлиять, а после, когда я переехал, ушла в собственные бездны, откуда не возвращалась до сей поры; общаемся мы редко, открытками. Я почему-то не могу слышать ее голос.

Стас сказал, что у него задание, мол, разбирайся со всем сам. Я подсел напротив, отчего-то неуверенность собеседницы передалась и мне.

Момент выстрела она видела, хотя в это время переходила дорогу, уверенно может сказать, что старик стрелял в сторону от автобуса. Немного, но в сторону, сперва целился в лобовое стекло, но затем рука пошла влево.

– У меня очень хорошее зрение, – добавила она, и снова опустила голову, будто сказала лишнее.

– Но вы согласны с тем, что старик спешил с выстрелом, – женщина кивнула, и не дав задать вопроса, продолжила:

– Мне кажется, он не просто в автобус целился. Я видела, как вы доставали из карманов пальто документы разные, награды, ордена, зрение у меня очень хорошее, – повторила она, – И почему он так сделал, я поняла. Да вы сами встаньте на его место. Всю жизнь проработал на страну, все ей отдал, а что взамен? Нищенская пенсия и забывшие все родственники. Или хуже того, умершие.

– Умершие, – повторил я, точно эхо. – Он один.

– Вот видите. Он не в автобус стрелял, нет, в автобус, но... как вам сказать. Всю жизнь старался, трудился, все делал как скажут, как считалось правильным, всего себя отдал. А вот теперь все двери захлопнулись. Его видимо, отовсюду гнали, – снова кивок, я не мог ее перебить. – Никого он убивать не хотел, упаси бог. Просто напомнить о себе, да вот так экстремально, но показать, что он еще жив, еще что-то может, что его рано хоронить, как это все, и государство, и соседи, и родственники, все это сделали. Он еще жив, пытался он сказать, наверное, не раз. И... наверное, в тюрьме ему и то лучше было б. Его бы там больше уважали, мне кажется. Ведь в тюрьме ветеранов уважают, я слышала, так да? Да?

Таня точно так же старалась убедить меня в своей правоте, я точно так же закрывался от ее слов в молчании. Мы не спорили, даже ссоры превращались в монолог, я едва мог

выдавить несколько слов, отвечая на вопросы, пускай и риторические. Из тебя отец сделал болванчика, говорила она сперва. Из тебя отец пытался сделать человека, говорила она перед уходом. Всегда оставаясь правой.

Отец тоже не любил компромиссы, если был прав, отстаивал, если ошибался, немедленно признавал неправоту. Мне всегда была удивительна эта его черта, сколько я старался переменить ее, особенно после смерти.

Нет, на самом деле, недолго. Ведь с его смертью, ушло многое из того, что поддерживало меня, я словно оказался обнажен на ледяном ветру в своей недостроенной крепости. Когда пошел в школу милиции, растерял разом все, любовно выстроенное во мне отцом. Его здание из железобетона, покосилось, изувеченное, я пытался бороться, недолго.

– Да, – наконец, ответил я. – В тюрьме к таким уважение. Особенно, если сделано в знак протеста, неважно против чего.

– Это не протест, это, вы не поняли, я видела, он шел напомнить о себе. Признать себя, если хотите... На его месте, я бы так и поступила, – и снова замолчала, не решаясь раздавить сигарету в пепельнице. Закурила следующую, от бычка, я поддался ее желанию. Недолго, пока тлела гильза, курили молча. Затушили одновременно. И снова взяли по одной.

– Ему ж почти девяносто, – сказал я.

– Вот именно. Он жив, он еще что-то может. Вы не понимаете. И он не стрелял в автобус, занесите хотя бы это в протокол. Или вы не будете заводить дело?

Она ушла, так и не дождавшись внятного ответа. Подписала бумагу и стремительно вышла в коридор. Я забыл ей выдать пропуск, впрочем, дежурный, занятый своим делом, выпустил и так, он вообще старался не вмешиваться, с моих времен на нем висело хищение и вымогательство, за что, собственно, и перешел на положение автоответчика, и теперь, тихонько, отбывал положенное наказание. Таких все равно не выгоняли: в органах и так малоллюдно, хорошие опера ушли, те, что приходили, часто не могли заполнить протокол: не умели писать, или плохо знали русский. Работали, как умели. Половина дел разваливалась прямо по прибытии в прокуратуру, те бесились, но передавали дело в суд. Ведь план – он один на всех: по арестам, задержаниям, раскрываемости. Приходилось выкручиваться и судьям, переписывающим в вердикт обвинение – и причины те же: малочисленность, уйма дел и такое же нежелание и неумение разбираться в хитросплетениях чужих судеб. Полпроцента оправданных – погрешность статистики и то выше.

Выкручивался и я. Брал, бил, угрожал, подчинялся давлению, привлекал в протоколы мертвые души, вышибал оттуда живые. Меньше, чем Стас, арматура внутри держала. Я старался не отстать, и боялся уподобиться ему. Верно, не зря отец строил во мне, верно, не из того или так и не успел закрепить, раз все здание скрутилось при первом же порыве ветра. Но оставшегося хватило хотя бы на то, чтоб уйти. Чтоб осталась хотя бы память. Ведь прекрасно помню свои визиты в главк двадцатилетней давности, помню, как рушилась и тонула страна, вовлекая в водоворот всё и вся. Кроме отца. Он упирался до последнего, на него, страшась признаться, надеялись, только ему, не говоря вслух, доверяли. Подчинялись беспрекословно, не смея признаться, лишь дарили подарки, от которых он отказывался – офицеру по должности не положено. Жутко, противоестественно слышать через двадцать лет его короткие сухие фразы. Да кто сейчас скажет про мента: офицер? Отец же оставался им до последнего, пока пучина не поглотила его, воспользовавшись краткой передышкой в неустанном служении.

Я смял пустую пачку, бросил в урну, промахнулся. Много курю, меня уже просили ограничиться хотя бы тридцатью сигаретами в день, оказывается я и в этом слаб.

Вышел в коридор, стрельнул у дежурного. Сделав круг, мысли вернулись к старику.

Только теперь понял, что мне говорила свидетельница о старике. И что я отвечал ей. «Ему же почти девяносто» – «Он шел напомнить о себе». Все считали его мертвым, даже

соседка по квартире, наверное, и сноха, и уж тем паче, внуки, первыми переставшие замечать в нем человека. Он просто не должен был столько протянуть, его похоронили заранее, задолго до сего дня. Справили поминки, когда он покинул последнее место работы на Тюра-таме. После должна была наступить тишина, да вот он не соглашался.

Все же трудно поверить, что решился на такой шаг, только чтобы напомнить о своем существовании, отправиться в тюрьму – не его это, не его. Или я плохо понял намерения старика?

Вернулся Диденко, мрачный, поцапался с прокурорскими. С ходу предложил выпить. Посидели, поговорили, под скромную закуску раздавили бутылку водки. Ночью мне снился отец, неудивительно, весь день провел с мыслями о нем, странно другое. Он пришел, сел в кресло и молчал. Где-то в глубине сознания примостилась и Таня, и тоже молча. Обычно, когда они встречались, каждый старался высказать свое, дело порой доходило до свары. Вернее, так, как я мог представить в ней отца. Когда он оказывался один, я слушал его голос, внимал ему – и забывал обо всем по пробуждении. В этот раз я не забыл ничего – его молчание давило, я ждал, но он не открывал рта, затем поднялся, прошелся по комнате и неожиданно вышел. Исчезла и не появившаяся Таня. Я остался один. В собственном сне.

И это одиночество так взволновало, поразило меня, что я проснулся немедленно, и проснувшись даже, тяготился им, не находя места. И только затем, спохватившись, пошел жарить яичницу и греть воду для кофе. Закурил, отвлекся, долго смотрел в окно, – кофе успел убежать.

Охранником я работаю два через два по двенадцать часов, во второй выходной снова пошел в отделение. К Диденко я зашел около десяти, раньше он не появлялся на работе. Пока ожидал появления, прочел заключение патологоанатома. Когда положил лист, Стас уже вошел.

– Даже не двужильный, – повторил он, кивнув на результаты. – Знал, что любое волнение его прикончит, и все равно пошел. Он же весь в осколках после Сталинграда, наш вивисектор сказал, что с таким приданным живут лет двадцать от силы. А он... И чего пошел, теперь можешь сказать? Ты ж, вроде, у нас теперь это дело ведешь.

Настроение у него было отменное, видно, вчера гора с плеч упала, Диденко уточнил, сразу три «глухаря» закрыли, да еще каких, всю ночь гудели с ребятами в японском ресторане.

Я пожал плечами. Из головы почему-то не выходил отец, вернее, его молчаливый уход, оставивший новую пустоту. Странную пустоту, не такую пугающую как прежде, – менее темную и холодную. Сумерки. Или, напротив? Мысли приходили разные, но все не про то.

– Значит, потому и пошел, что осколки начали шевелиться. Результаты освидетельствования показывали одно: малейшее волнение могло убить, и убило. Осколок перекрыл доступ крови в мозг. По мне так еще удачная смерть. Но он рассчитывал успеть сделать свое дело до того, как случится неизбежное. Это как убийство с самоубийством, два в одном. Понимал, наверное, что шанса сказать о себе не будет, вот и подготовил все доводы заранее. Мы должны были понять, если бы он завершил дело.

– И как ты думаешь, что он собирался сделать помимо стрельбы в красный автобус? – я молчал, не зная ответа. Мы просидели так довольно долго, Диденко несколько раз брался за листы результатов вскрытия, и проглядев, откладывал. Снова смотрел на меня, сквозь сизые клубы табачного дыма; мне почему-то вспомнился сон об отце. Я потер виски, встал, прошелся. Никак не проходило. И отец ушел, и Таня. Ну она ладно, последние месяц-два мы с ней не могли слова связать. Я больше молчал, она дулась. Сидели перед телевизором, иной раз не включая. Вроде и вместе, и каждый сам по себе. Потом, нет, еще прежде, за полгода до ухода, она заговорила о тяжести ожидания. Раньше целовала так, будто прощались навсегда, часто плакала, и всегда ждала, даже когда приходил под утро, ждала так, что я

боялся говорить, куда отправляюсь: на розыск, на операцию, где схлопотал две пули и ножевое ранение. Боялся и не мог не сказать, мне нужны были и ее слова и потаенные слезы и поцелуи, я нуждался в них с каждым разом все больше.

Потом перегорела. Заговорила не о том, куда иду, а почему. Вспоминала избитых свидетелей, взятки, поборы, шантаж, вымогательства. Но ведь и прежде знала, я ничего не скрывал от нее. Когда познакомились, подарил кольцо, купленное на деньги от закрытого дела. И после дарил – много и часто, и всегда все принималось с любовью. Потом просто принималось. И только за полгода стало отвергаться, как что-то враз оказавшееся ядовитым. Или будто отравка подействовала лишь сейчас.

После мы спорили и ссорились из-за этого. Потом замолчали. Месяцем позже я помогал ей паковать вещи и сгружать в такси, она взяла все, кроме последних подарков. Потом я внизу нашел шубу, кольца, серьги, часы, – подаренное за прошедший год. Она взяла только кольцо и броши, парфюм, еще какие-то мелочи, по-своему отделив зерна от плевел. Мне показалось, в последний раз плюнула в душу. Или так любила? «Я устала бояться за тебя, и бояться тебя», – последняя фраза, которую она произнесла, выходя из квартиры, провожать до такси не велела. Когда я вышел, через полчаса, сам не понимая зачем, – увидел вещи. В ярости пнул шубу, попытался раздавить кольца, сережки. . . . Ушел в дом. Мне звонили, я не подходил к телефону.

Дверь открылась: дежурный привел еще одного свидетеля.

Тот самый мужичок лет сорока, которого отчаянно отпихивали детины из ППС. Я подсел, интересуясь, откуда он взялся, вроде бы не видел его до выстрела. Оказалось, единственный из красного автобуса, кто не поленился пропихнуться к следователям. Тогда его не послушали, так может сегодня. Ведь он отменил какую-то очень важную встречу, а потому сразу попросил у Диденко выписать ему на этот счет справку, и хотел дать показания, а так же свою версию случившегося.

– Разбирайся, – произнес Стас. – А мне пора свою работу делать.

И вышел. Я стал выпрашивать: свидетель показал, что находился на переднем сиденье, вслед за кабиной водителя, как раз смотрел в окно, когда все случилось. Видел вспышку, ему показалось, пистолет был направлен прямо на него, впрочем зрение не идеальное, да и автобус трясло.

– Кроме вас, еще кто-то момент выстрела видел, как думаете? – он кивнул уверенно. Рядом с ним стояло двое, тоже смотрели в окно, сзади сидела девушка, да автобус был полон, многие на нем до метро добираются, особенно приезжие, кому не хочется платить лишние деньги, а кому-то они не мелочь, произнес он с укором.

Я предложил ему закурить, он отказался.

– Стараюсь избегать вредных привычек, накладно. И вам советую.

– Вернемся к выстрелу. Что говорили в автобусе?

– Псих, сдурел на старости лет. Многим показалось, что стреляли из травматика, кто-то думал, игрушечный пистолет. Ведь пуля никуда не попала. Ее нашли? А отверстие? – я покачал головой. – Значит, игрушечный, – с некоторым разочарованием произнес он.

– Нет, настоящий, больше того, наградной.

– Тогда должен был попасть, вы хорошо искали? – кажется, больше вопросов задавалось мне. Я напомнил мужичку о правилах поведения, он сразу сник.

– Я просто хочу понять, что случилось. У меня версия есть, думал, пригодится. Ведь вы тоже хотите разобраться. И я видел, как вы документы из старикова пальто доставали. Много документов.

– Что за версия? – все видели, но никто ничего не хочет рассказывать.

– Я думаю, он мстил кому-то. Долго выслеживал, но опоздал. Понимаете, он узнал человека на другой стороне проспекта. Поспешил к нему, а тот его увидел и все понял. Побежал прочь, старик бы его не догнал, потому выстрелил.

– А почему бы ему не пропустить автобус?

– Он в сторону пустыря побежал, автобус проедет, и все, из пистолета не достанешь. Знаете, я тоже служил в свое время, – сказал и замолк.

Я откинулся на спинку и долго смолил, глядя в потолок. Добрался до фильтра, но тут же начал новую. Видел ли я кого-то на той стороне проспекта? Вроде нет. Переход был чист, а вот из тех, кто могли идти вдоль – нет, не вспомню. Был вроде кто-то или нет? Темное пятно... все время смотрел на старика, на противоположную сторону проспекта, на шоссе наискось, затем увидел краем глаза движение его руки, и все. Остальное тут же пропало из поля зрения.

– Можно окно открыть? – я очнулся. – Я плохо переношу табачный дым.

– А вы почему так решили? Видели кого-то?

– Нет, не видел, но подумал, ведь он долго целился. Мне показалось, очень долго. Понятно, на самом деле, секунду, но автобус будто подъехал к траектории. И потом странно, – сказал мужичок, вздрагивая, наверное, еще раз все вспомнилось: – он ведь стрелял в автобус, а даже отверстия вы не нашли.

– Он мог промахнуться.

– Отдача, да конечно. Но как вам версия? Ведь может же быть такое?

По мне он целился в лобовое стекло, резко поднял руку и выстрелил, выждав от силы полсекунды. Да, рука не двигалась, цель он подпускал, меня так же учили. Или, если брать в расчет слова мужичка, упускал? Я поднялся, открыл фрамугу. Проверить эту версию не представляется возможным. Возле перекрестка трава регулярно косится, следов на ней не оставишь. Если кто и отбежал, мог оглянуться, увидеть, что произошло и спокойно пойти по своим делам. В суматохе после выстрела о таком никто не вспомнит. Но кто это мог быть? Да и мог ли быть вообще?

Отец всегда говорил, что месть удел «слабых, подлых людишек», никогда нельзя опускаться до отмщения, воздать по заслугам может только суд, только суд, разобравшись во всех тонкостях происшествия, может решить, виновен этот человек, и какого наказания заслуживает. А месть сразу убивает обоих: и неважно, кто из них палач, а кто жертва, оба перестают быть. Один потому что убит, другой, потому что убил самого себя. Когда пойдешь по моим стопам, помни, что и ты не суд, и не позволяй себе даже в мыслях подобного. Ты понимаешь, сын?

Кажется, отец никогда не называл меня по имени, только так, и я его именовал исключительно отцом, мне это нравилось. Вроде бы мы с ним не то, что на равных, но на одной доске. Я похрустел костяшками пальцев, кому сейчас его слова? Даже я их перестал слышать, прежде внимательный настырный ученик, быстро сломался, и пошел своей дорогой. И только ночами просит прощения и жаждет слова. Прежнего, твердокаменного, – как единственную точку опоры в расползшейся жизни.

– Старик бы не опустился до такого, – зря я произнес это вслух, мужичонка вдруг вскочил и заговорил о пользе мести, о единственном способе, который еще только и может унять нынешний беспредел. О необходимости разрешить ношение оружия – да, первые несколько лет одна стрельба и будет, но зато потом все отморозки исчезнут. Дарвиновский отбор, он самый справедливый, никакой суд не заменит. Да что сейчас суд, полиция, прокуратура – все сгнило, везде такие же отморозки, их самих чистить и чистить.

– Вы сейчас до статьи договоритесь, – он резко смолк, потом сдавленно попросил прощения. И вышел, позабыв о протоколе, который я так и не стал заполнять. Следом зашел Диденко, довольно смурной.

– Звонил в прокуратуру, дело возбуждено не будет. У них там очередная проверка на вшивость. Вчера председатель Следственного комитета устроил публичный разнос своим холоуям, вот прокурорских и трясет. А жаль, мне бы лишняя «палка» не помешала, до конца месяца всего ничего, а еще пятнадцать до плана, а его ж перевыполнять надо, – он вздохнул. И спросил неожиданно: – Слышал, наш министр просил всех, не прошедших, вернуться. Вроде как амнистировал. Может, придешь?

– Ты это всерьез? – он кивнул. – Наверное, нет.

– Знаешь, я... хотя нет, от тебя другого не ждал, – все равно обиделся. – Да и опер ты был неважный. Все тебя выручать приходилось, – он напомнил, как получил четыре пули разом, закрывая меня во время штурма притона. А едва очухавшись в больнице, завидев меня, заулыбался во всю ширь, словно ради только этого и встал на пути очереди.

– Я уж давно отрезанный ломоть. Вот правда, не смог бы вернуться, – он махнул рукой, Стас вспыхив, но отходчив. Спросил насчет свидетеля. Я рассказал.

– Несерьезно как-то. Столько лет готовился, а решил стрелять в самом неподходящем месте. Нет, тут в красном автобусе надо искать причину.

– Я смотрю, ты все же заинтересовался.

– Да дурь в башку лезет. И старик тоже странный. Чего ему надо? Теперь уж не скажет, – и перескочив тут же: – Зато твой вон как растрепал. И гниль, и подонки и вообще не пойми кто. Будто все мы тут злобные пришельцы, от которых никто не знает как избавиться. Как будто в той же стране не жили, в те же школы не ходили, в одном дворе, не росли. Жен, детей не имеем. Чужие, для всех чужие. Пришельцы, – и гаркнул: – Да в зеркало надо смотреть! Вот эта сопля посмотрела бы – и мента бы там увидела. Решал всё, что ему можно. И того убить и у этого отобрать, и так поделить, и чтоб никто не мешал. Ну и чем он нас-то лучше, чем?! Тем что он мечтает, а мы делаем?

Он помолчал, и совсем другим голосом закончил:

– Вот старик, да, он инопланетянин. Попал к нам без скафандра и все, каюк. А мы... нет, мы-то аборигены. Плоть от плоти, не отдерешь теперь, так что мучайтесь, никуда не денемся. За себя стоять будем.

– До упора, – едва слышно добавил я. И, оторвавшись от стены, поплелся к двери. Диденко ничего не сказал, даже не кивнул в ответ на мое прощание. Я вышел и пешком двинулся к перекрестку.

Пустота охватила теплым одеялом. Так и брел в ней, без мыслей, без чувств, пока не добрался до места. Остановился посреди перехода, ровно на том самом месте, где увидел, как достает из кармана «Вальтер» и целится старик.

Уже ничего не напоминало о вчерашней трагедии. Мимо пробежал на красный народ, толкая, чертыхаясь. Я бросил взгляд на часы, надо же, подошел в точности через сутки. Только сейчас людей куда больше. И красного автобуса нет.

Может, целился старик все же не в него? А может куда проще – его на переходе и переключил осколок, и задыхающийся мозг воспринял красный автобус как нечто, что он давно искал, ждал, думал ушло, но нет, вернулось из небытия восстало, и снова здесь. Что-то из давнопрошедшего.

Нет, скорее, из недавнего, из сегодня, накатило на память, нещадно давя и пятная кровью прежде белоснежные бока. Что-то страшное, от которого и защитить себя и всех можно, лишь одним способом. Как на войне.

Зажегся зеленый, но я так и остался стоять. Все могут оказаться правы, и никто не прав. Я не могу найти ответа, хотя старик оставил почти все для решения загадки.

Пустота внутри разгорелась, я расстегнул ворот кожанки. Не понимаю почему, но мне кажется, что старик все же попал в цель. Только не успев понять этого.

Я оглянулся на дома, мимо которых должен был бродить еще вчера, посмотрел на пустырь, на перекресток. Вдохнул и медленно побрел к остановке. Не сегодня, может, когда-нибудь еще, но не сегодня.

Бело-зеленый автобус подошел, открыл двери и поглотил меня.

Фото на память

Мне редко так везло. У вокзала дожидалась маршрутка, едва сел, и сразу отчалила. И дальше, на пересадке, не стоял, автобус вывернул от диспетчерской, стоило подойти. Даже обычно ремонтируемый лифт и тот работал; довез до пятого этажа, дружелюбно грохнул дверями на прощание.

Дверь квартиры была чуть приоткрыта. Выйдя из лифта, я замер, вздрогнув. Даже в глазах потемнело – неужто опять. Как много лет назад. Хорошо Аля сейчас работает.

Зачем-то достал из сумки тяжелый металлический фонарь и осторожно приоткрыл дверь. Чего с ним-то полез, сам не понял, может, просто дверь не закрылась. Нет, не может, она всегда проверяет. Прошел в полутемную прихожую, заглянул в кухню. Вроде всё на месте, всё тихо. Ушли? Или спугнул кто? Сделал шаг к спальне.

Стон, или послышалось? Я распахнул дверь – окна занавешены, кровать разобрана, простыни и одеяла сбиты, свернуты в беспорядочную кучу, издали напоминавшую сжавшееся тело. Сделал еще шаг. Зрение отключилось на несколько мгновений. А дальше меня бросило к кровати.

– Аля?

Упал на колени, сжал безвольное темное тело на черных простынях. Хрусткая корка начала сходить, Алена вся покрыта ей. Прижался, осторожно приподняв, что-то жесткое ткнулось холодом. Нож. Выпал из ослабевших пальцев. И на нем тоже застывшая корка. Коллющаяся, царапающая.

Аля вздохнула, вздрогнула. Встретилась взглядом.

– Ты?

Тело внезапно расслабилось, безвольно поникло, голова откинулась. Только глаза оставались открыты, неотрывно глядя на меня, на меня, на меня...

Дальше фрагментами. Милосердная память очистила разум. Я поднялся, кажется. Потом брел к шторам. Хотел распахнуть. Искал телефон. Не знаю, нашел ли, не помню, чтоб говорил. Сел у кровати, да, это да, именно там меня застали шумы: топот ног, хлопанье дверей. Наверное, соседи, вечно выглядывающие в глазок, они позвали. Как-то разом я оказался в окружении людей. Меня подняли, тормозили, спрашивали. Я внезапно осознал себя на кухне, кажется, спрашивали там. Нет, сперва открыли окна – я увидел и закричал. Крик помню точно. Вся комната невыносимо красного цвета. Кровать, пол, стены, все стены... Я пытался встать, меня вырвало. Потом не помню. Снова спрашивали, уже в коридоре, нет, возле лифта, в присутствии соседей, врачей, что-то совали под нос, диктофон, нашатырь... что-то кололи, кажется. Не помню своих слов, не помню, чтоб они были. Только лица, сменявшие друг друга, расплывшийся хоровод лиц, не узнавал ни единого. Искал единственное, но не находил. Потом вечер, пришли другие люди, снова спрашивали. Дверь опечатали, войти я не смог, ночевать устроился возле, на чемодане, не хотел уходить. Уговорили. Сперва соседи, нет, другие, сверху, мы с ними хорошо знали. Потом, совсем ночью, наверное, пришла ее сестра. Молчаливая тень. Взяла за руку, отвела, оттащила от двери, я снова хотел и не мог войти. Привела к себе, в свою квартиру, в двух домах от дома. Знакомый желтый диван с «огурцами», я на нем спал, когда Аля...

На нем и забылся. Несколько дней как в тумане, как в нигде. Наташа приходила, уходила, утешала, успокаивала, приглашала доктора. Я молчал. Вот это я помню. За те трое суток, что провел в пустоте у Наташи, не произнес ни слова.

Потом пришел некто в белом халате и пригласил на допрос. Или я снова что-то путаю. На экспертизу, подхлестнутая вторжением память, потихоньку возвращала отнятое. Меня посадили в салон «скорой», отвезли в диспансер. В дороге, это помню хорошо, доктор сидел

на переднем сиденьи, возле водителя. Рядом со мной двое санитаров. Зачем? Ехали молча, слушали Шаде. Тоже помню. На дороге точно асфальт новый проложили, не помню колдобин, будто не было, я покемарил даже. Вдруг увидел сон: сидел на желтом диване с Наташей и ее дочерью, которую зачем-то считал своей. Вздрогнув, очнулся: мы подъезжали.

Неприметное серое здание: первый этаж диспансер, второй – магазин? Ресторан? Клиника? Броское красное название «Остров» метровыми буквами без пояснений. Меня взяли за локоть и отвели внутрь.

Через час вернули назад, уже другого. Я начал отвечать на вопросы. Поездка подействовала, Шаде или врач? – неизвестно. Но стал говорить, поначалу едва шевеля языком, будто напрочь отвык от общения с себе подобными. Потом пошло легче, ведь мне показывали картинки и задавали вопросы обо всем на свете, – кроме того, что было. Я говорил, я перебивал сам себя, сам вспоминал далекое и близкое и один раз коснулся бурого видения. Всего перетряхнуло, врач перевел разговор на другое.

Наташа встречала во дворе. Молча подошла, обняла. Постояли пару минут у крыльца, потом вошли в дом, серую безликую хрущевку. Медленно поднялись по щербатой лестнице, Наташа осторожно поддерживала за талию, точно боялась, что я упаду. Когда вошли в квартиру, порывисто прижалась, обняла... как когда-то. Я вздрогнул, но ответил ей. И неожиданно заплакал.

Торопливо, перебивая сам себя, начал рассказывать про багровую комнату, про следы, про мое везение с транспортом, про фонарь, про следы снов. Про всюду следы. И только потом перешел к Але. Выплакивал фразы, не в силах остановиться, Наташа обнимала, целовала в лоб, в щеки, гладила волосы, прижимала к груди... как когда-то. Я говорил и говорил, не замечая, не слыша, делясь собой, почувствовав возможность хоть часть невыносимой ноши предложить той, которая... с той, с которой...

Я немного успокоился, не знаю, сколько прошло времени, наверное, много, начинало вечереть. Затих, запоздало осознав и объятья, и поцелуи, и легкую ее руку, приглаживающую волосы на макушке. Снова вздрогнул непроизвольно, как-то подхватился, она отстранилась. И еще какое-то время разглядывала меня, пристально, как когда-то. Когда мы были вместе. Мы, а не я с Алей, давно, вечность, четыре года назад. Но познакомились куда раньше, и очень медленно, будто неохотно сходились. Сошлись, а по прошествии полутора лет, нет, чуть больше, снова начали расходиться, так же медленно, без желания, – остывшее, оно покинуло нас первым, и мы подчиняясь его воле, расползались по своим углам. Какое-то время не общались вовсе, даже не переписывались. А потом, вдруг оказался во власти Али. В полной, безоговорочной, беззаветной ее власти, которой отдался весь, впервые и без остатка. Никогда не жалел об этом. И не буду, этот год я ощущал себя так, будто родился прошлым летом, знойным, жадным, желанным, и таким...

А этим вернулся из жизни.

– Мы беспокоились за тебя, последние две недели от тебя ни весточки. Как будто пропал. Аля очень переживала. Что-то случилось?

Вернулся окончательно.

Наташа замолчала. Я долго смотрел на нее, она, не поднимая головы, принялась механически разглаживать покрывало – как делала всегда, когда ненароком задевала очень личное. И не осмеливалась сказать что-то еще.

– Нет. Ничего не случилось. Связи совсем не было. Горы, глухомань.

Она вздохнула, подняла глаза.

– Я тоже нервничала.

– Я сообщение послал перед тем, как приехать. Сказал, что прибуду вечером, а повезло на пересадке, поезд пришел раньше... – последние слова договаривал на автопилоте. Оба надолго смолкли.

Зазвонил телефон, я вздрогнул, не узнав мелодии своего мобильного, – отвык от него за столько времени, за прошедшие дни, за месяцы, проведенные в отлучке, за тысячу верст от единственной. С которой встречал утра и вечера в разлуке и которую...

Холодный женский голос сообщил, что мне надо явиться в прокуратуру назавтра к одиннадцати для беседы со следователем, кабинет номер двадцать два.

Утром позвонила Яна, как раз, когда я собирался, – рассказывала маме, как проходит время в лагере. На вопрос, что раньше не звонила, последовал безапелляционный ответ – некогда было, играла. Против воли я улыбнулся, двенадцать лет, тот еще возраст. Спросил, когда вернется. Наташа пожала плечами, числа двадцать пятого – двадцать седьмого, не раньше. Тут я сообразил, что потерял счет дням, не могу разобраться в их мешанине.

– Я тогда съеду, ей скоро приезжать, – Наташа покачала головой.

– Не надо, Яне с тобой нравится, – врала. Мы общались мало, даже когда я жил здесь. Помогал ей решать задачки по математике, ей приходилось по душе, что я дотошно объясняю, но и только. В остальном мы почти не соприкасались. Даже ночью, когда у нее бывали кошмары, она старалась разбудить маму, не трогая дядю. Дядю. Не научилась называть меня ни по имени, ни как-то иначе. А Наташа очень на это рассчитывала. На многое, когда мы только сошлись. Да и я тоже. Но только сперва пришлось отказаться от одного, потом от другого. В завершении я спал уже на диване на кухне, Яна переместилась в кровать к маме, так ей спокойней. Им обеим так стало легче. Когда я через несколько недель пришел в гости, уходя, заметил, что по-прежнему разобрана одна кровать.

Наташа проводила меня до крыльца, дальше я не позволил, на прощание коснулась сухими губами щеки. И долго стояла, рука поднялась, не то готовая крестить, не то помахать на прощание, и замерла на полпути.

До прокуратуры я добрался пешком, нужную дверь нашел быстро, постучался. Затворил плотнее, услышав требование.

– Ну привет, старик, – донеслось до меня. – Давненько мы с тобой не пересекались.

За столом сидел мой однокашник Тарас Беленький. Даже не удивился, увидев его, дни после Али оказались заполненными либо знакомыми, либо теньями. Так и тут. Знакомый и совершенно незнаемый человек. Сильно переменившийся за прошедшие годы, но на удивление легко узнаваемый. В кабинете было прохладно, но он снял форменный пиджак, оставшись в синей сорочке и съехавшем на сторону галстуке. Тарас стал грузен, юношеская сухость сменилась оплывшей жиром зрелостью. В смоляных волосах забрезжила молочная седина, теперь он стригся коротко, неприятный ежик кустился на макушке. Подмышки темнели потом.

– Садись, – произнес он, отодвигая от себя папку, ими, делами в серых, коричневых, бежевых переплетах, был завален весь стол и стул по соседству, папки громоздились на подоконнике, между горшками с душистой геранью. – Я думал, ты все еще с Натальей.

Мы мало общались, последние лет десять, я даже не знал, что он пошел в прокуратуру, да, учился на юриста, но одно с другим никак не связывал. Думал... да нет, про Тараса вообще не думал. Хоть мы в школе дружили крепко, в средних классах вообще не разлей вода. Потом вода все же разлила, к институту мы встречались от случая к случаю, а когда он поступил на юрфак и уехал в столицу области, отношения заглохли. Нет, как-то он подвез меня до магазина, на новеньком «Шевроле» – в дороге даже не поговорили толком. Это было, когда я только сошелся с Наташей. Неужто помнит?

Я молчал, растерянно разглядывая своего бывшего товарища. После еще одного приглашения, сел на краешек скрипучего кресла.

– Мы разошлись, – осторожно ответил я, прорывая тягучую паузу.

– А с сестрой... да, вот как вышло, – и тут же: – Я не для протокола с тобой хотел поговорить. Следствие пока полиция ведет, еще неделю ковырять будет, а уж потом мне. Пару вопросов задам о Елене... я попросил, чтоб они тебя не трогали.

Я кивнул и вздрогнул. Аля очень не любила это свое официальное поименование, когда мы расписывались, поменяла на Алену. Вместе с фамилией. Как с чистого листа, сказала, я только кивнул и улыбнулся в ответ, слезы подкатили к горлу – только с ней я мог плакать.

– Ты как, ничего? Я вчера материалы перечитывал. Соседи по этажу сказали, ты долго на связь не выходил, она сильно переживала последние дни, сама не своя. Снотворное у них просила. У старухи из двадцать шестой.

Я уже не слышал, смотрел на Тараса, но не видел его, вокруг плыли какие-то круги, колеса, комната менялась, стены дрожали. Точно ударило обухом. И в памяти ничего не всплыло, ни багровых стен, ни блуждания по квартире перед этим. Чистый лист, ни о чем не думал, – и все равно.

А он будто не видел. Смотрел на лист, считывая показания. На этот раз результатов дактилоскопии.

– Только ее пальцы и чьи-то еще, наверное, твои. Надо снять, чтоб исключить. Нужно твое согласие, – я вроде бы кивнул. Сделал усилие. Тарас взял другой лист. – Удар единичный, чуть выше сердца, нанесен почти без усилия. Затем, видимо, извлечен. Сильное кровотечение, которое она не смогла остановить, врач сообщил, после она прожила почти полтора часа...

Я вытягивался в струнку, слушая и стараясь не слышать его речь, смотрел на расплывающийся силуэт, на пробегающие колеса. Затем стол метнулся в лицо. Очнулся уже на жесткой кушетке. Тарас говорил что-то, губы беззвучно шлепали одна о другую.

Только это и вывело из шока. Слух вернулся: говорил об отдыхе, об уединении... с ума, видно, сошел. Мне надо работать, надо... хотя бы ради нее. Приехал раньше срока, вот и не хватились еще... я ведь никому ж не звонил, надо сообщить, навеститься, наверное, много чего разбирать, полтора месяца как не на месте. И еще, надо жилье подыскать, неудобно стеснять Наташу... Яну. Скоро возвращается.

– Отвести ко врачу? Или домой подбросить? – я покачал головой. – Смотри.

Я крутил головой, больше пытаясь изгнать круги. Поднялся и вышел. Пришел к дому и долго стоял, не понимая, что не пускает внутрь. Снова колеса. Наташа, верно, заметившая из окна, подошла и потащила к себе. Вот ведь, два дома. Когда б знал.

Назавтра ходил в полицию, сдавать отпечатки. Подшили к делу, пока ничего не спрашивали. Действительно, Тарас звонил, просил не тревожить. Он еще раз звякнул, узнать, что со мной. Я даже не спросил, откуда у него взялся мой номер. А нет, он же по городскому, Наташе, она подошла... странное что-то с памятью. Она же еще спрашивала, что узнали, и когда отдадут тело. Я ждал колес, но слова прошли мимо сознания. Верно не про нее, ведь она навсегда осталась там, в багровой комнате. Даже от этой мысли сердце не сжалось. Не захотело.

Положив трубку, Наташа, смущаясь, пыталась спрашивать, но больше рассказывала сама. Про Алю, она последние недели. в самом деле. как не своя, постоянно тревожилась, на все вопросы отвечала, мол, из-за меня, что же ты не мог позвонить? Я покачал головой. Але кто-то что-то сказал, а она страшно мнительная, ты знаешь. Снова качал головой, нет, никак не мнительная. Напротив. Я без нее... счастье, что нашла меня. Я... не понимаю, зачем это говорил Наташе, видел, как ей больно, но не мог остановиться, накатило. Вспоминал, как тесно жили, как делились всем, радовались и печалились. Как поддерживала и помогала мне с работой, как ходила вместе со мной, пробивая проект, одним присутствием давая надежду. Как ездили зимой в отпуск, так мне выдали, как были счастливы эти десять дней; на каждый

из которых она придумывала что-то особенное, чтоб наверняка осталось в памяти; все верно, эти дни – они навсегда со мной.

Я замолчал, лишь когда понял, что остался один. Нашел Наташу в кухне. Снова смущалась, просила прощения за уход, я просил прощения за монолог, мы замолчали. Потом ужин, после снова разговор, на этот раз о Тарасе. Про снотворное, про пару Алиевых, наших соседей сверху, те тоже заметили, как спала Аля с лица последние недели. Еще экспертиза показала отсутствие следов взлома, выноса вещей... Тарас просил подойти тебя к нему, он хотел бы, если возможно, проверить, все ли на месте... новое молчание, надолго. Наконец, я кивнул, у Наташи будто отлегло.

Наутро я был на работе, немало удивив своим визитом начальство. Заведующий рассчитывал, что я отпрошусь хотя бы на три-четыре дня, но я настаивал и добился своего. Работы скопилось много, я старался. Через два часа поймал себя на мысли, что переложил в исходящие всего четыре папки, обычно за такое время набил бы ее доверху. Никак не мог отделаться от вчерашнего разговора, от сна – я видел Алю в грезях: приходила и брала за руку, безмолвно. Никакой багровой комнаты, только зимний отдых, поездка в дом ее отца, встречи с друзьями, переговоры с начальством, с кредиторами фирмы, с посредниками, на которых она тенью присутствовала. Ее тяжелый разговор начистоту о невозможности иметь детей, я утешал как мог, она тяжело дышала. Наконец, Аля прижалась ко мне, шепча что-то, я обнял ее колени, уверяя, что не покину никогда, просто не смогу без нее, она отвечала тем же, мы проплакали весь вечер. А потом блаженная ночь и позднее утро, заплотень.

– Катыков, не справляетесь, – холодно заметило начальство, проходя мимо стола. – Если не можете, так отдохните. У вас и без того проблем.

Я взялся за ум, старался. Но к вечеру, даже задержавшись на час, смог выполнить лишь половину прежней нормы – при этом чувствуя себя загнанной лошастью. Еле добрался до дома, до Наташиного дома. Снова ноги понесли не туда.

Утром работал с остервенением, все равно. После обеда принес факс из прокуратуры, мне улыбнулись одними губами и отправили, махнув рукой. Тарас заехал за мной, не помню, чтоб давал ему адрес работы. Хотя, что я. Он и так должен все знать. Вот теперь только поехал домой.

Дверь опечатана, три полоски бумаги, зачем так много? А, две уже порваны, сердце екнуло, когда Тарас сорвал последнюю. Вошел первый и запнулся на пороге. Испугался багровой комнаты.

Тарас протиснулся мимо и, не разуваясь, вошел в спальню. Занавески открыты, яркое солнце бьет в упор. Я зажмурился. Открыл глаза.

Ничего. Кровать убрана, ковер скатан и исчез, как исчезли и кровавые пятна на стенах. Словно я не вернулся, Аля по-прежнему на работе. Тарас огляделся, увидел мой взгляд.

– Верхние убрали, я попросил. Вы ведь давали им ключ? – мелкий кивок. – Алена оставалась в разобранной кровати, когда нездоровилось?

– Да. Когда принимала снотворное с корвалолом. У нее же сердце слабое, гипертоник.

– Знакомая по работе засвидетельствовала, что за последние десять дней Алена два раза отпрашивалась, ссылаясь на болезнь. Это подобный случай, как я понимаю, – не зная, что сказать, я молчал. Тарас продолжил: – У нее были знакомые с твоей работы?

– Нет, никого.

– Кто-то еще знал, куда ты направился, насколько? Я пытаюсь понять, почему она так сильно переживала перед твоим приездом.

– Я... Аля сперва сопротивлялась моему отъезду, да я тоже не рад был, но надо. У нее кончились заказы, а я снова повис на волоске, – я будто снова убеждал и ее и себя, повторяя прежние аргументы. Аля не привыкла просить кого-то, пробивала все сама. Обычно у нее все получалось, младший ребенок, на которого изначально свалились все блага мира, она

каким-то образом сумела бежать соблазнов, обрела свой путь. Хотя ей родители, до окончательной ссоры, старались помочь, чем можно. Наташа нет, она давно была отрезанным ломтем для них, а вот младшая, в нее вкладывали душу. А потом я появился второй раз. Аля еще пыталась нас свести, напрасно. И неожиданно у нее закончились деньги. Кажется, первый раз в жизни.

Разве можно было поступить иначе? Тем более, всего-то полтора месяца, не срок. Пусть без связи, перетерпеть можно. Я убедил сперва себя, потом ее. Мне показалось даже, что Алю уверить оказалось проще.

– Так что выходит? – снова дернул Тарас. Я пожал плечами, совершенно потерявшись. Вроде и хотел ответить, да слова не шли. – Скажи тогда, чего ей кончать с собой перед самым твоим приездом?

Как обухом ударило.

– Ты... не смей так думать. Аля... она бы никогда не... слышишь меня. Она бы дождалась, чтобы ни случилось... – кажется, я захрипел, сам уже не понимая, что говорю. Тарас пристально смотрел на меня, куснул губы.

– Тогда кто ее убил?

– Убил? – непонимающе пробормотал я.

– Кинжал в груди, что это по-твоему? Или убийство или самоубийство.

До сих пор не приходила в голову такая мысль. Аля для меня даже не умерла, она все еще оставалась где-то рядом, я видел ее в снах, я общался с ней наяву, я гресил, я... только сейчас понял, что случилось пять дней назад.

Незаметно для себя сполз по стене на жесткий пуф у окна, Аля вставала на него, когда хотела высмотреть меня из окна, разросшаяся ветла у самых окон, не давала иначе видеть улицу. Только зимой, прошлой зимой, когда я задерживался, я всегда, заворачивая к дому и видя свет – шестое слева, второе сверху окно – начинал махать. Подходя видел ответ, у Али стопроцентное зрение, а я лишь дома разглядывал ее улыбку. Встречая, улыбался, и ответом было то лучезарное сияние, от которого на душе становилось теплее.

– Она не могла, – бледно произнес я, пытаюсь подняться. Тарас немного смягчился. Рывком поднял меня, посадил в кресло, сам сел напротив, на диван. – Где... где она сейчас?

– Послезавтра, – односложно ответил следователь, смотря на кровать. – Ты уже говорил про дверь, еще раз опиши, как вошел. Подожди. Ты сразу увидел, что дверь приотворена? – помнит, что зрение так себе. Очень много обо мне помнит и знает. Очень тщательно готовился. Показалось, даже вопросы задает из вежливости, давно выяснив ответы.

– Да, меня как шарахнуло, – после улыбки Али говорить стало легче. Как в лодке, бросает то в одну, то в другую сторону. – Нас уже грабили, нет, давно, мне тогда шестнадцать было... и точно так же увидел. Вышел на площадку, а дверь приотворена. И тоже сердце упало. Тогда сперли только мельхиоровые ложки и...

– Я читал показания.

– ... вазочку, видно спугнули. А откуда показания? Соседка? – кивок в ответ. Да, она тут с самой постройки, с шестьдесят четвертого, столько жильцов пережила, и столько выжила. Алю возненавидела сразу, даже объяснить не сумела, за что. Ничего не говоря, сразу закрыла дверь перед ней, стоило увидеть первый раз. И как отрезало. Больше они не общались, Аля только здоровалась, получая, в лучшем случае, кивок в ответ. И вот, приходила за лекарствами. Значит, отмякла. Или душила ядом? Топила в собственном неумном зле. Давила злобой. Соседка, я даже не помню, как ее звали, какая-то Петровна, кажется, отличалась отчаянной ненавистью. Ко мне, к тете, к другим. Ни подруг, ни знакомых, запертая в коконе, строчила жалобы: верхние жильцы травили канализацией, нижние шумели, из дома напротив «зайчиками» слепили. Под окном насажали пушащих тополей. Громыхали мусором по ночам. Хамили дворники.

Ненависть находилась для каждого. Кроме кажется, единственной, своей безмолвной, бессловесной компаньонки, на нее, безучастно соглашающуюся со всем, что бы ни сказала Петровна, не хотелось даже внимания тратить. Да никто и не тратил. Разве что врачи, изредка навещавшие ту. Странно, что Петровна вообще позволяла подобное. Или презрительная жалость, все же, находила место в переполненном злобой сердце? Мальчишки орали, взрослые играли, старики воняли – для каждого находился повод. Участковые и те старались не приходить, крепкие, рослые мужики, боялись ее, натурально, боялись. Как верно, и все мы, от кого она требовала, кому приказывала, на кого стучала. Божий одуванчик, а хуже повилики. Аля, почему ты пошла к ней, а не к паре наверху?

– Соседка, – тихо произнес я. – Она единственная. Она могла. Отравить, наговорить. Чего вдруг, как уехал, стала так ласкова. Дверь открыла, ведь никого не пускала. Она, ты спроси, она это все устроила! Она, больше никому. Все зло в ней, в паучине, – давно забытое прозвище, – всегда все зло. Она убила, нашептала, в душу нагадила, – меня затрясло. Комната поплыла. – Сука поганая, столько лет терзала всех, и столько будет. Тарас, хоть ты... убей, убей гадину!

Воздуха не хватило, я захрипел, не в силах продолжить и уткнувшись в стену, затрясся. Когда немного успокоился, заметил, что мой однокашник вышел в коридор и терпеливо дожидается конца истерики. Выполз следом. Потрогал тумбочку, с которой когда-то сперли ключи, входную дверь.

– Дверь. Мы ее перевесили в начале года. А перед моим отъездом ее перекосило, алкашня ставила. Она очень туго закрываться стала. Я обещал разобраться после приезда.

– То есть просто не захлопнешь?

– Да, надо вверх дернуть, – я обернулся, стал всматриваться в темный ковер, в плинтуса, паркет. – Здесь крови нет.

– Алена сюда не выходила, она только в спальне, возле кровати. Не надо, Руслан, соседку я опрошу, если что, мы ее прижмем.

– Нет, она же ей лекарства... или не лекарства?

– Лекарства, в желудке обнаружили мезапам, несколько миллиграммов. За таблетками пришла в час ночи, взяла десять штук, чтоб больше не просить. Может, просто не заметила, что не закрыла. Ведь ночь, а ты сам сказал, дверь недавно стало клинить. Соседка сказала, Алена очень переживала из-за твоего отсутствия, не первый раз приходила просить.

– Ты ей веришь?

– Спрашивал сам. Не врет.

– Но она могла...

– Наговорить могла. Проверю. Но для чего Алена взяла сразу пачку? Все соседи, да сестра ее говорили, места не находила. И чем дальше, тем хуже. Мне кажется, она сперва пыталась таблетками, прости, Руслан, мое мнение, а когда поняла, что не помогает, ножом. Чтоб наверняка. – и взглядевшись в мои глаза, – Извини, что завел разговор. Но мне надо объяснить свою позицию, – я не слышал, потом дошло, когда-то потом. Тогда почувствовал холод и темноту, вот ее хорошо помню. И какое-то странное успокоение. А еще Алю. Она улыбалась, протягивала руки и говорила: «Ты правда этого хочешь», я кивал, со всем соглашаясь.

Когда окончательно пришел в себя, рядом со мной стоял врач, Наташа, Тарас и еще кто-то из милиции... полиции. Дали на подпись документы, криво вывел фамилию, почему-то показалось, что написал Катуков, хотел исправить, не дали. Наташа сказала, квартира возвращена владельцу. То есть, мне. Когда-то во время этой темноты. Подняла на ноги, она сильная. Молча свела вниз. В дороге на мгновение снова отключился, забывшись на ее плече.

Окончательно пришел в себя уже на желтом диване. Наташа суетилась, готовя завтрак. Спросила, пойду ли на работу, да, конечно. Ночью не снилось ничего, Аля вспомнилась только сейчас, сердце сжалось, я повторил с какой-то злостью: пойду на работу.

Шел пешком. Автобус ушел из-под носа, а следующего дожидаться – проще дойти. Думал, так будет лучше, но все время отключался, утопая в прошлом. Переходя улицу, едва не угодил по грузовик. Пришел, и тупо сидел перед входящими, лишь через полчаса заставив себя разгребать завалы. Накатила апатия, работал механически, мысли ушли. В таком забвении вроде бы даже справлялся с бумагами. Незадолго до перерыва начальник подошел, посмотрел, как тужусь, снова завел разговор об отпуске.

– Уйду в октябре, как обещал раньше, – ответил, не поднимая головы.

– Но ведь вы уже не с женой... – и осекся. Извинившись, вышел и тут же вошел. Пришла полиция с повесткой. Надо дать показания, наверное, Тарас удерживал их все это время. Два старлея топтались у входа, пока я собирался с мыслями. Не торопили.

Опрашивали часа два, оба попеременно. В душной маленькой комнате с неработающим кондиционером и насмерть задраенными окнами. Знакомые папки, разбросанные по столам, залитые грязью окна и чахлая герань на подоконнике. Пыльный портрет президента.

Подробно спрашивали о проведенном в отлучке времени, о прибытии в город, о первых шагах в квартире. В багровой комнате начал путаться, сам спросил, были ли стены залиты кровью. Переглянулись, но не ответили. Начали уточнять, как подошел, как схватился, что говорила Аля. Отвечал, чувствуя пустоту, вроде и здесь и где-то в вакууме. Затем, старлеи снова переключились на время до. Ссоры, размолвки, – нет, не было. Переглянулись. Снотворное, сердечные капли, прочие лекарства, как часто, как много, приступы, приезды скорой – не знаю, зачем, ведь, за прошедшую неделю все это вызнали и без меня. Неловко заговорили об интимном, тут же прекратили, вернулись к времени отъезда. Прибыл на пять дней раньше, с вокзала отправлял сообщения. Спросил на всякий случай: дошли? Нет ответа. Еще о семейной жизни: планировали ли усыновить, я вздрогнул, ни разу разговора не было. Почему, и сам не знал. Затем о необходимости моего отъезда, о показаниях соседки, о наших отношениях. Горло устало, попросил воды. Налили в стакан минералки, затем подали показания на подпись. Спросил, это все? Один кивнул – да, в ближайшее дни выдадут труп, дело будет прекращено за отсутствием состава преступления.

Ручка застыла. Вспомнил вчерашнюю истерику, сжался. Стал противен сам себе. Аля ждала, держалась, когда и не такое случалось, всегда верила, даже, когда я терял почву под ногами. Вытаскивала, когда я перестал надеяться. Уйдя от Наташи, готов был уйти совсем, отвернуться к стене и ждать. Она все время, долгие недели, поддерживала, помогала. Где бы и что бы ни случалось. Сколько спрашивал ее, робкий, растерянный: не бросишь? Не оставишь? Не верил, боялся уверовать. А теперь что?

Меня поторопили, расписался и вышел. Едва оказался на улице, позвонила Наташа. Совсем не вовремя, говорить не хотелось, она поняла это и отключилась. Я отправился на работу. Да и там сидел сиднем, покуда «Катыков, я вижу, вы заняты совершенно другим», начальник не выгнал; как затравленный пес поплелся к приютившей меня. Отчего-то, меньше всего хотелось встречаться с Наташей. Вроде и разошлись мирно, но мне было тяжело, неуютно, нехорошо, больше от того, что ни раньше, ни теперь, не мог с ней поговорить. Все от этого – и неудавшийся брак, и претензии Яны, и расставание. Девочка все поняла, куда быстрее мамы. Не сходимся, да, кажется, не больно и рассчитываем сойтись, а маленькой или все или ничего, середин она не принимала. Наташа готова была терпеть бесконечно, потому ушел, потому не решилась вернуть. В этом вся: не решалась. Пытаясь влюбить, не могла надавить, задеть ту точку, после которой уход был бы равнозначен смерти. Жила робкими прикосновениями, после которых не оставалось следов. Едва разошлись, как

я забыл, какого это, быть с ней. Казалось, вообще никогда и не жили. И первой в мою жизнь вошла Аля. Сколько раз я говорил ей, что со мной это впервые? Ощущал себя эдаким робким школьником, – кажется, ей нравилось это. Я сразу прикипел к Але, только страх, что она уйдет, какое-то время преследовал; но к зиме он оставил, подарив воспоминания об отпуске, которые невозможно изгладить или перебить.

Начало темнеть, я набродился, ноги гудели, мозг устал переваривать прошедшее, понимая, что работа эта еще предстоит в течении долгих лет. Побрел на кухню, к Наташе, открыв дверь, пригласила ужинать, снова ничего не спрашивая, не знаю, почему, но покоробило. Молча поел, молча ушел в душ, вернулся к телевизору – она ждала, безмолвно сидя рядом. Не помню, чтоб меж нами были ссоры, нет, раз всего, в самом начале, когда она отказалась от встречи и два часа не подходила к телефону. Потом не выдержала, позвонила. Не то, что с Алей, до искр, до пределов, и страсть, и нежность, и все, что только можно. Первое время я уставал, не мог привыкнуть, еще больше боялся, что оставит, вот ведь колючка, и царапает, и питает живительной влагой. После успокоившись, только обнимал ее, царапавшуюся, крепче, прижимал к сердцу, пия яд, словно мед. Она успокаивалась, даруя наслаждение. Выплеснув желчь, принималась наводить порядок в душе. И уже снова сидим перед телевизором и болтаем о всякой чепухе, будто ничего не было. Да я и не помнил, как именно мы ссорились, что-то подобное разряду молнии. И тут же ответное: после вспышек, как бы желая загладить их, вычистить из памяти, Аля дарила себя, страстно, неистово, почти отчаянно.

Молчание задавило, я начал рассказывать о допросе. Наташа коснулась щеки тыльной стороной ладони, как делала когда-то, и тут же убрала – я заговорил о теле. Когда? – послезавтра или уже в понедельник. Она отстранилась, лицо затуманилось. Хотел сказать что-то, примирившее бы нас... так и не смог. Молча разошлись – до завтра.

Утром вгрызался в задания, настроился на нужный лад, вошел в колею, торопливо передельывал дела. Начальник не приставал, уже хорошо. Неожиданно позвонил Тарас, минут десять ходил вокруг да около, пока не сообщил, что дело будет закрыто, он поставил в известность прокурора, тот рад списать все на Алины нервы. С самого начала разговора я понял, куда ведет, все ждал, когда же. Наконец, скороговоркой произнес о закрытии, добавил, чуть погодя, насчет старухи: оперативники по его просьбе еще раз потрясли соседку от души, странно, но Але она всерьез хотела помочь справиться с твоим отсутствием. Говорит, в молодости подобное пережила, так старой девой и кукует.

– Да чушь собачья! – не выдержал я.

– К старухе приходили втроем, допрашивали три часа, врать не смогла бы, обнаружили, в этом отделении хорошие ребята, я за них ручаюсь. Да и потом, Алена, верно, не знала, что от блистра нельзя отравиться, потому и взяла, выпила все сразу...

– Ты будто с самого начала ее похоронил. Ну да, так легче, все списать на самоубийство, и свалить в архив, – Тарас попытался ответить, я не дал: – Знаю, я сто раз читал про такое, вам только б не заморачиваться. Аля не могла, слышишь, не могла так поступить.

– Ну знаешь, я столько перепахал, прежде чем... да я тебя сам вытаскивал, чтоб только не навредить. Чтоб сразу в оборот не взяли, чтоб не повредили твою тонкую психику, думаешь, я не знаю, сколько раз ты ломался и когда последний был?

– Ты подлец! – взвизгнул я. – Я... я потребую, чтоб дело передали другому следователю, чтоб разобрались досконально, чтоб... чтоб без тебя. Я имею право, – не знаю, имею ли на самом деле, но на Тараса подействовало.

– Знаешь, – ледяным голосом произнес он. – Я действительно хотел как лучше. И я пристально вел дело, и полностью убедился в таком исходе. Если мне не веришь, спроси

у оперативников из десятого отделения, куда тебя возили, спроси, черт бы тебя драл. А выпереть со следствия ты меня не сможешь.

– Увидим! – я порвал связь, едва не разбив сотовый об стол. И долго сидел, пытаюсь прийти в себя. Ко мне никто не подходил, не потому, что знали о горе, просто, у меня с другими никак не ладилось на этой работе. Общались только на праздники, перекидывались общими фразами. Меня это не тяготило, ведь я знал, что оттарабанив свое, вернусь туда, где меня ждут. Одно это удесятерило силы.

– Катыков, – я поднял глаза. Начальник стоял перед столом, возможно, подошел не сейчас, просто никого не замечал, уйдя в себя. – Что у вас... со следствием? Я понял, дело закрывают? – впервые обратил ко мне свой интерес. Почему? Да какая разница. Я кивнул. – Мой совет, наймите хорошего детектива, нет, не из агентства, там кошек ищут, из своих. Пусть покопается в прокуратуре. Денег стоит, но раз вы уверены.

Я снова кивнул, не зная, что ответить. Даже поблагодарить не сразу пришло на ум. Уходя, вспомнил, что Аля сама пользовалась услугами кого-то из прокурорских работников в отставке, когда их компанию налоговые органы проверками затрясли. Тот сразу вычислил нужного человечка, нажал, и дело затухло само собой. Должно быть, телефон еще в ее записной книжке, маленькой, бежевой с золотым вензелем. Самые важные записи она, не доверяя электронике, заносила туда. Потом, когда дело захлопнулось, рассказывала: очень обстоятельный, знающий все ходы и выходы человек, берет сравнительно немного, но отработывает на совесть. Алю вымотала эта история, сперва она держалась, но после, когда вроде бы все осталось позади, подошла ко мне и заплакала, вцепившись, что есть сил, прижавшись так, что дыхание перехватило у нас обоих. После сказала: жаль, тебя со мной не было, мне очень не хватало этого. Она тут же перевела разговор на другое, но вот эта боль ее во мне осталась.

Права, меня не было. Не решился беспокоить, не попросил рассказать, не пошел к ней, оставил наедине с происходящим. Аля столько раз демонстрировала свои сильные стороны, что я, будто и впрямь не зная ее, поверил. А она хрупкая, тонкая, ранимая, пусть со стороны кажется, горы свернет, и свернет ведь, но как же ей больно сворачивать. Особенно когда между ней и родителями встала стена, а ведь так хотелось доказать и себе, и больше, им, что она может без их помощи, самостоятельно, разрешить все проблемы, не прогнется. И в самом деле, есть в ней что-то, что всегда возвращало в вертикальное положение, упругий стержень: вроде бы налетел ветер, пригнул к земле. Но стоило утихнуть, и она снова поднимается. Одной ей известно, как тяжело, но все равно поднимается.

Когда я вошел в багровую комнату, родители отдыхали в Таиланде, где-то в горах. Им вызванивала Наташа, пока я находился в отключке. Приехали не сразу, матери стало плохо, несколько дней та находилась под присмотром врачей в пансионе. Потом прибыли. Со мной так и не встретились, да и к Наташе не пришли, она ходила. Я только позвонил, минуту и десять секунд говорил с отцом, в основном, молчали. На последний вопрос: «Как же ты так?» – я не ответил, он порвал связь. Наташа вернулась, снова сидели молча, пока не рассказала, впервые приоткрыв мне, что происходит в их семье. Конечно, убиты, расстроены. Конечно, вмят меня: уехал, недосмотрел. Следствие известило их о спорных обстоятельствах, всю ответственность они тотчас переложили на меня.

– У нас это традиция, – сказала Наташа. – Быть вместе в радости, разбежаться в печали. Когда я ушла, копейки не дали, только Аля помогала, а она что, училась тогда еще, – Наташа на четыре года старше сестры и на два меня. – Приворовывала из общего кошелька. Говорила для себя. Выручала, как могла, пока не встала на ноги. Яночка очень болела, когда совсем маленькая была, это врожденное, – и чему-то усмехнулась. – Мать-одиночку они не поняли. Вот и оставили, как есть. Зато, как ты попросил руки, сразу появилась и эта хрущевка, и лекарства, и все, пожалуйста. Вот только второй раз не поверили. Алька пострадала.

Я кивнул. Мы долго молчали, прижавшись друг к другу.

Детектива звали Яков Аранович. Крепко сбитый коротыш с пронзительным взглядом, еще на подходе просканировал мою фигуру, четко выделив из толпы, ведь недаром сказал же, сам подойду. Махнул рукой, давая понять, что встреча состоялась, и указал на кафе, возле которого я его дождался. Заказали зеленый чай в чайнике и пахлаву, заведение имело претензии на восточность. Сели в уголке, за ширмой. Не отрывая глаз, Яков начал спрашивать, что и как. Я, едва поспевая за мыслями собеседника, отвечал про закрывающееся дело, про свой отъезд, про версию самоубийства, про соседку и про Наташу. Алю он помнил, цепкая память. Затем попросил описать события последней встречи. Прервал на середине, кивнул, еще раз повторил условия, на которые я без раздумий согласился еще по телефону, и попросил отвезти на квартиру, если нет возражений. Невыразительный «Рено Логан», домчал по полупустым вечерним улицам, как показалось, почти мгновенно. Аля собиралась покупать машину, начала копить. Я, собираясь в дальнюю даль, обещал заработать все деньги, какие возможно, чтоб взять сразу, без кредитов и рассрочек, из нас никто не любил переплачивать, это не жадность к деньгам, скорее, расчет на непростое будущее в сложной стране.

Все деньги я и заработал, вернулся с полным кошельком. Теперь начал тратить. Как и планировал, на Алю, вот только иначе.

Детектив походил по комнатам, пока я топтался в нерешительности на пороге, не рискуя взглянуть, чем он занят. Неожиданно напомнила о себе багровая комната, и вот тут впервые, я испугался. Ничего не смог поделывать, стоял и ждал, когда можно будет покинуть родной дом.

А он все ходил, выглядывал, ворочал полками, скрипел половицами. В прошлом году постелили ламинат, не должен скрипеть, а все равно. Липкий пот тек по щекам, забирался за уши, холодил за воротом. Я даже не пытался вытереть его, ждал. Наконец, вышел. В руках Алина бежевая книжица. Помахал перед носом.

– Вы ее внимательно изучали? – я пожал плечами, не зная, что сказать, всего раз и заглянул. – Если б внимательно, увидели бы телефон и адрес Тараса Беленького. Домашний, рабочий. Два мобильных, один зачеркнут, видимо, старый. Она его знала. По крайней мере, имела о нем информацию. Прокуратура наезжала на компанию вашей жены?

– Ни разу, только пожарные, медики и вот налоговая. Вцепилась клещами, только через вас и оторвали.

– Я помню, – холодно произнес он, оглядывая меня. Подал пачку бумажных платочков. – Идемте, в машине поговорим.

– Простите, но мне правда здесь нехорошо стало.

– Не стоит извиняться, – Яков махнул рукой, мы начали спускаться по лестнице. – Вы говорили, что у Алены был новый сотовый «Самсунг», так? К сожалению, найти не удалось, возможно, прихватила полиция, может, как вещдок, может насовсем, такое часто бывает. Вы осматривались здесь, в визит с Беленьким?

– Не очень. Простите, я в обморок не упал, когда Тарас...

– Мне вы говорите, как и что думаете, попытайтесь довериться и не следите за словами. Привыкните к мысли, что я вам помогаю, небескорыстно, но искренне. Да, я достаточно хорошо знал Алену, мы встречались и до случая с налоговой, я ей помогал в вопросах права. После ухода из прокуратуры, работал консультантом по правовым вопросам. Работаю, – поправился он. – А это скорее хобби... Я к чему вам это все рассказываю: попробуйте относиться ко мне как к хорошему знакомому Алены. Вы ведь знаете таких?

– Наши соседи сверху, ну и ее помощник Саша. Одно время он пытался ухаживать за ней, но потом все обошлось. Это было еще до нашего знакомства, – он кивнул, улыбнулся. Открыл дверь пассажирского сиденья, я забрался, сразу пристегнувшись. Яков сел рядом.

– Она умеет сказать нужные слова в нужный момент. И никто не уходит обиженным. – Мне немного стало легче. – Еще вопрос – во время визита сюда, вас сопровождал полицейский, оперативник? Понятно. Все ваши беседы с Беленьким шли без протокола?

– Да. Это нарушение?

– Ни в коей мере. Работник прокуратуры имеет право вмешиваться в следствие. Вас, он как я понимаю, старательно защищал.

– Он хотел, чтоб я думал, что Аля покончила с собой. А я не могу так думать. Она не такая. Не ломается.

– Алена имела возможность в том меня убедить, – он улыбнулся чему-то, едва заметно. На некоторое время в машине воцарилось молчание.

– Так вы достучитесь до Беленького? – не помню, в какой раз я задал этот вопрос. Яков мелко закивал, улыбка стала шире. Он откинулся на спинку, буквально вжался в нее, с наслаждением потянулся, закинув руки за голову. И тут же вернулся, только хитрая усмешка не сходила с губ.

– Прищучим, еще как прищучим, – произнес Аранович. Он походил на кота, дорвавшегося до сметаны, потирал пальцами ладони, глаза загорелись. Чувствовалось, Тараса он знает, причем не только по служебной надобности, здесь примешивалось еще и личное; я не зря позвал его, этот не упустит, вцепится и вытащит все, что необходимо. Да еще и оттреплет напоследок. Узнай Тарас о моих действиях, интересно, какого цвета стало бы его лицо?

Минутка прошла, Яков вернулся к роли следственного автомата.

– Еще вопрос, она верующая?

– Пожалуй, что нет. Крещеная да, но в церковь не ходила. Праздники отмечаем. Соседи сверху, Тахир и Амина, они из Азербайджана, часто с ними вместе. Они к нам на Пасху, мы к ним вот на Ураза-Байрам. Правда, они не верующие, но традиция.... Наверное, я подрацки изъясняюсь. А почему вы спросили насчет веры?

– В аптечке я нашел интересную вещь, – он подал мне бумажный пакетик, врачаха Алены давала ей такие, смешивая препараты, в итоге получался, например, антигриппин или что-то от сердца. Аля несколько раз на моей памяти, прибегала к ее услугам.

Я развернул пакетик, понюхал. Пахло валидолом, я объяснил, что это и откуда. Следующий вопрос был странен:

– Ее знакомая она дипломированный фармацевт или любитель? – я покачал головой, сомневаться в квалификации Виктории не доводилось. – Дайте телефон и адрес, надо сходить, задать пару вопросов. Вот посмотрите, – он тряхнул порошок, внутри оказалась сложенная вчетверо крохотная бумажка. Вроде случайно попавшая, Яков осторожно развернул ее, внутри я увидел буквы. – Прочтите.

– Sator Arepo tenet opera rotas, – пятибуквенные слова составляли столбик, мгновением спустя, я понял, что читать можно и сверху вниз. – Что это?

– Палиндром. Древняя забава, с изобретения азбуки. Это латынь: «Пахарь Арепо с трудом держит колеса». Принято считать, что подобные сочетания слов, читающиеся в любом направлении, обладают мистической силой. Помогают в душевных расстройствах, лечат болезни, отвращают врагов или служат любовным приворотом. Универсальное плацебо. Что-то вроде счастливого автобусного билетика.

– Аля не была мистиком, – нет, была. Рассказывала, как в молодости ходила к гадалке, и та рассказала ей, как на духу, будущность, совпавшую с истинной линией жизни. Верила в расклады карт Таро, и сама иногда этим занималась, всего дважды при мне, и никогда не давала колоду в руки, иначе сила уйдет. Гадала очень редко, в крайних случаях, говорила, сильно выматывает и может грозить неприятностями самому гадателю. Еще верила в сны, очень радовалась, если я видел младенца, ибо благо. Расстраивалась, если ее саму, ибо к раз-

луке или размолвке. Но сны я редко запоминал, хоть и видел часто, а вот она... ее сны, действительно, часто сбывались. Так она сама говорила. Но вот таких квадратиков я никогда не видел, и не слышал о них от Али.

– С Викторией ваша жена хорошо знакома? – я кивнул, лет шесть. Аля ей гадала как-то при мне, попросила удалиться, вечером ее мучила голова, я пытался помочь, она только отгоняла. Наутро позвонила Вика, сообщила – долгожданное повышение случилось, как Аля и нагадала.

Яков какое-то время молчал, глядя сквозь лобовое стекло, затем повернулся. Убрал пакетик.

– Она сильно во все это верила?

– Иногда, да, иногда не обращала внимания. Она сильная, с чем-то пыталась справиться сама, для чего-то пыталась привлечь меня, – стало больно, раз или два. в таких случаях, я ее подвел. Не понял, что она молила помочь, не осознал, что за словами: «я попробую разобраться» скрывается едва замаскированная мольба о помощи, истошный крик. – Я думаю, для нее, это как Дао. Есть путь, и есть ответвления, одни помогают оставаться на пути, а другие уводят с него, на вроде бы легкие дороги, но ведущие в никуда. Вот то, что основная дорога непроста, а легких путей без тяжелых потерь не бывает, она верила. И в то, что за все надо платить, и достается дорого, тоже. И в то, что иногда можно понять, что ждет. Она не раз говорила, как ей была дарована та или иная возможность, на которую не рассчитывала. Но ее показывали карты или сны или еще что.

Я все это проговорил стремительно, вдруг поняв, сколько ж в ее жизни было такого, о чем я не думал прежде. Аля, да, во многом обращалась к родителям, за того или иного рода поддержкой, они были и якорем и маяком, но всегда, с самого детства, старалась идти своим путем, двигаться, не оставаться на месте. Подумалось еще: вот Наташа после ухода из семьи, жизнь проживает в тихой гавани, никуда не торопится, оставаясь там, где есть. Если хрущевку не снесут, то и через двадцать лет я найду ее там же, такой же. Мне поначалу нужна была эта стабильность, покой, утешение, еще что-то, что давала она мне. И только потом понял, насколько угнетает покой. Насколько хочу вырваться. И встретил Алю.

Почему не раньше? – не знаю. Вроде были знакомы, ну как, даже не шапочно, Наташа еще когда представила ее мне, но тогда я не разглядел свой маячок. Слишком ярок, резал глаза. Аля казалась мне взбалмошной, ни минуты не сидящей на месте. Наташа показывала ее и свои школьные фото, я все больше убеждал себя в мысли, что сделал верный выбор, что Аля мне не нужна, убеждал так старательно, столь прилежно, что вскоре перестал верить. Сестры всегда не очень ладили. Обретя меня, Наташа почти перестала общаться с ней. Боялась? – наверное. Ведь перед этим Аля уже перехватывала у нее жениха, перехватила и вернула обратно, дело закончилось ребенком и разводом. Хотя Наташа не корила ни себя, ни ее. Яна ей была нужна, она и сейчас была благодарна сестре за ту встречу и тот скоротечный развод. Ведь ей осталось самое главное. И неважно, что с маленькой тяжелее найти спутника жизни, у нее была своя тихая гавань, свой мир, куда допускались избранные. Вот мне Наташа приоткрыла дверь.

Аля говорила, что всегда видела меня с собой рядом, знала, еще когда сестра впервые и нехотя познакомила нас, понимала, что нас ждут непростые времена, но надо смириться и подождать. Что прежде, чем обрести счастье, придется вкусить боли, и тогда радость покажется куда прекрасней. И еще много подобного говорила, обнимая и лаская, я зарывался в ее нежно пахнущие волосы и молча слушал, забывая обо всем.

Детектив подвез меня до дома, от одного до другого места жительства, из прошлого в будущее и обратно, за пару минут. Наташа молча ждала, я понял, она видела меня, выхо-

дядим из машины, тряхнувшего руку водителю на прощание, а перед этим еще несколько минут о чем-то уславливавшимся с ним. Подала ужин и села напротив. Все как обычно.

Я вдруг понял, насколько неудобно мне здесь, нет, не так, здесь хорошо, уютно, и пахнет женским теплом, но... Я еще вспоминал, уйдя к Але, Наташины ласки, объятия, любви, и тогда мне казалось все это странным сном, которым не хочется делиться. Неправдоподобно, что я жил с ней, что я не мог отрываться от нее, что мы дни напролет проводили вместе, что нам нравилось это, мне нравилось.

Я стал рассказывать про встречу с Арановичем, Наташа только качала головой. Потом спросила:

– Ты вправду хочешь этого? – и когда я кивнул, начала: – Я не понимаю. Али больше нет, я часто встречалась с ней последнее время, перед тем, как она ушла; да это против обыкновения, но она сама приходила, приходила и молчала. Или начинала говорить о тебе, она любила тебя, очень ждала, и еще больше чего-то боялась. Не знаю, как это связано с тем, что между вами было перед отъездом, что вы говорили друг другу, чего не сказали. Но только дожидаться тебя она не смогла. Это я поняла.

Долго смотрела на меня, я глядел сквозь стол. Не дождавшись продолжила:

– Потому и думаю, что следователь прав. Она сама ушла. Что-то было, не дававшее ей дышать, что-то сильнее ее. Я знаю, она сильная, но вот это...

– А почему ты решила, что Аля сама...

– Я видела, – вскочив, почти крикнула Наташа. – Видела какого ей последние недели и дни. Кого еще она могла так ждать и чего так бояться? Она же так любила тебя. Я никогда не могла бы..., – и оборвала себя. Устало села за стол, через несколько минут молчания попросила прощения. За весь ужин мы не произнесли ни слова. Как в те дни, что еще были вместе, но уже расходились, все дальше и дальше. Еще до того, как я встретил Алю.

Не знаю, почему она не появлялась раньше? Я не раз задавал ей этот вопрос, раз знала, что суждено сойтись, почему не сразу, зачем было ждать, мучить так меня, ведь я угасал, я ушел от Наташи в никуда, два или три месяца того лета я уходил, чего было ждать? Она отвечала, но всякий раз не то. Говорила, я должен был распрощаться с Наташей. Должен был принять ее. Должен... конечно, она тоже не находила места, но наши дороги еще не могли пересечься. И потом, ведь все закончилось хорошо, мы вместе, значит, это испытание нам и было дано, чтобы... Я не слушал, не слышал.

Поздним вечером позвонил Тарас, сообщил, что в понедельник выдадут тело. Говорила с ним Наташа. Транслируя его слова, сразу спросила о работе гримеров, все ли в порядке, да, швов незаметно, он сам проверял, нужно платье, гроб он может заказать сам, у него связи. Спросил, где пройдут поминки, я не выдержал, бежал в ванную, включил воду и сидел, пережидая разговор. Вышел, когда Наташа позвонила родителям.

Те одобрили действия Тараса, наверное, и им так легче. Забыть, не думать о худшем. Если самоубийство не есть худшее. Но ведь Аля ушла давно из их жизни. Тяжко, невыносимо, но лучше пусть так, чем что-то еще. Тем более, следствию они верили, им кто-то сказал, что Беленький большой дока. И еще он осторожно вел дело, никого не тревожил.

Поговорить с родителями Наташа не дала. Пересказала главное – тело отдадут утром, похороны пройдут прямо в понедельник, за сегодня-завтра папа с мамой договорятся со всеми; не забудь свой черный в полоску шерстяной костюм, который я покупала. Кремация – скромно, поминки в ресторане, будет человек пятнадцать-двадцать. С ее работы? – да, Сашу они знают, пригласят. И соседней сверху тоже, всех, не переживай, они позаботятся. Наташа сглотнула слюну и замолчала, немного растерявшись. Потом добавила: мне надо будет утром уйти к ним, подготовиться, а ты, ты прости, что я наговорила, не знаю, что нашло. Поцеловала в щеку.

Я зачем-то спросил, какого ей было, когда мы расстались. Покачала головой, тяжело, лучше не вспоминать. И неожиданно:

– Наверное, глупость скажу, но мне стало легче, когда тебя взяла Аля. Я боялась, что ты совсем сойдешь на нет, правда, боялась.

– Почему не пришла? – опустила глаза.

– Не могу сказать даже. Боялась чего-то. Себя, тебя. Боялась, что вернешься и... нет, говорю ерунду. Прости, мне завтра рано вставать.

Спалось плохо, я поднялся, когда она уже ушла. Непривычно находиться в квартире одному – как будто два или три года назад. Потерявшись во времени, я растерянно бродил из комнаты в кухню по узенькому коридорчику. Затем позвонил Якову. Нет, ничего особенного пока сказать не может, перезвонит завтра. Да у Виктории был, подробности позже, извините, много сложной работы по вашему делу. Ждите новостей.

Наташа пришла поздно с последними новостями, именно что последними: ресторан постеснялись снять, поминки будут у моих на даче, ну ты помнишь, как добираться, были, ты еще меня тогда первый раз... и оборвала себя. Потерла виски, лицо, словно умывалась. Прибавила тише: сейчас поглажу рубашку, ту, серую, и галстук, ты его давно не носил.

Алю я не узнал. Белое лицо, строгое черное платье, не помню такого, темные туфли почему-то на высоком каблуке, будто, под размер гроба. Чужой человек. Склонился, всматриваясь, коснулся щеки. Ничего, совсем ничего. Печальная полуулыбка, собранные в странный пучок волосы, аккуратно заколотые на макушке и по бокам. Почему-то хотелось приподнять ее, незнакомку, спросить на ухо, кто она, почему здесь. Наташа коснулась плеча, мы отошли, сели в последний ряд. Слушали священника, читавшего по новенькому требнику псалом за псалмом, никакой отсебятины. Наконец, домовину захлопнули, наваждение исчезло в печи огненной.

Все задвигались, поднимаясь, зашептались вполголоса. Действительно, наваждение. В зале присутствовало человек тридцать, из которых я знал только Тахира с Аминой да Сашу, последнего вовсе шапочно, думал, не придет, ведь Аля не работает... не работала больше. Он сидел в первом ряду, с краю, через стул от пожилой пары в сером, наверное, родственников. Их было много, этих немолодых людей, разменявших пятый или шестой десяток, близкие, дальние. Наташа рассказывала о них прежде, но свидеться довелось только сегодня. Не глядя друг на друга, мы погрузились в автобус и долго ждали, пока распорядитель договорится с родителями о сроках и ценах. Дверь хлопнула, мы тронулись в путь.

День выдался теплый, ясный, безветренный. Погода уже больше недели баловала последними отголосками августовского лета, не спешившего уходить. Столы вынесли на воздух, под тент, располагавшийся на задней площадке кирпичного двухэтажного дома за высокими стенами – здесь все такие, солидные, надежные, предсказуемо одинаковые, по одному шаблону возведенные. Меня посадили за одним из столов с пожилыми незнакомцами, тихо общавшимися между собой, тут только я заметил, что ни Саши, ни Алиевых нет. Наташа бегала между столов, подавала, убирала, спрашивала, отвечала, ни на минутку не присев. Прошла кутья, блины, подали щи, кашу, а она все привечала, убирала, подавала. На столах не было вина, лишь газировка и соки, многие спрашивали, просили, но Наташа, поглядывая на родителей, оставалась непреклонна. Странное выражение блуждало на ее лице. Я не выдержал, поднялся и прошел в дом, в кухню.

Непонятно, вроде бы их утешило самоубийство – тогда почему священник? Почему без традиционного пьяного застолья? Ладно, попу главное, чтоб заплатили за службу, а над кем, он и не спрашивал, но им-то самим для чего заказана служба? Или и в то, и в другое хочется сразу верить? Как почившей дочери их, поверявшей себя и вышнему и картам. У них

Аля научилась веря, не верить, не складывать все пожелания перед одним жертвенником, молясь, не молиться, ища, обходить?

Меня передернуло, на миг и в мыслях Аля снова показалась какой-то чужой, эти поминки, будто не по ней.

– Ты что, уходишь? – Наташа. Я растерялся, застыв на пороге большой светлой кухни, где работали еще две женщины, верно, нанятые, и... Амина.

– А ты почему не с гостями? И Тахир, он же уехал, – девушка смутилась.

– Пусть. У него сегодня важная работа, за Рустамом присмотрит, – их продолжатель рода, который только ходить начал. – Не все мне. Ему тоже надо отцом себя почувствовать, – и громко застучала ножом по салату.

– Ты уходишь? – Наташа по-прежнему перегораживала проход. Я немного растерялся, будто стоял на пороге сакрального места, куда непосвященным доступ закрыт.

– Я думал, помочь надо. Ты устала.

– Нет, не надо, не устала.

– Руслан, посиди еще, все в порядке. Ты дверь загораживаешь только, – я посторонился, одна из работниц вынесла бутылки минералки и тарелки карбонада. – Куда тебе идти. Тут народ, все лучше.

– Я тут никого толком не знаю, Амина. Наверное, пойду.

– Не уходи! – Наташа вдруг сорвавшись, преодолев извечное свое молчаливое согласие, вцепилась в плечо, развернула. Мгновение наши лица находились в миллиметрах друг от друга, затем она отступила. – Не хочешь с гостями, посиди в доме, мы втроем пойдем. Я тебя провожу.

В доме я был всего-то раз или два, расположение комнат не запомнилось. Она вывела меня на второй этаж, до конца коридора, небольшая дверь, за ней уютная комнатка с кроватью под пологом, и балкончиком за узкой дверью. Именно здесь мы с Наташей впервые...

Она смутилась, заметив, как я обернулся к ней, прочла в глазах узнавание. И тотчас вышла, туфли застучали по лестнице. Когда стихли, я прошел к окну, постоял, глядя на аккуратно выстриженный и подметенный сад, гравийные дорожки и шпалеры розовых кустов. За низким, всего-то метра в полтора, забором на соседний участок, виделась примерно та же картина, еще через метров двадцать различалась схожая. Осень золотила листву редких берез и ясеней, играла багрянцем ирги, но ничего не могла сделать с рядами елей и сосен, пихт и можжевельников, приземистых тисов и могучих кедров. И только лиственницы покрылись червонным налетом подступающих холодов, но их немного, хвойных изменниц. Остальные деревья старательно охраняли чистоту и порядок садов.

Наташа любила сидеть на подоконнике, вглядываясь в эти рукотворные леса, это была с детства ее комната. При мне она села, немного смущаясь, обнаженной, и разглядывала меня, по-прежнему лежащего в кровати, часто моргая. Мы словно поменялись ролями в тот день. Обычно разглядывал я.

Матери я не помнил, она оставила мир очень рано, мне было полтора или два года, так что, за воспитание взялась ее старшая сестра и бабушка. Тетя Роза, никогда не знавшая мужчин, излила на меня свою нерастраченную нежность, любила самозабвенно. Бабушка, похоронившая трех мужей, старалась привить мне качества настоящего бойца. Раздираемый двумя женщинами, я рос, постигал мир. Близких друзей завести не удалось, не то я не годился к тому, не то не повстречал родственных душ. Рос тихоней и книжником, всем прочим радостям предпочитая игры в тиши комнат – мои наставницы работали. В обед приходила знакомая маминой сестры, тетя Настя, разогревавшая для меня тайком от бабушки, ждавшей от внука куда большей самостоятельности в первые школьные годы. Эту науку я постигал куда позже, когда в восемнадцать остался с миром один на один. Начинать приходилось с нуля, и сколько дров наломал на этом пути, сколько наворотил, до сих пор не хочется

вспоминать. Хорошо, квартира оставалась со мной, единственное сокровище свое, удивительно, как никому не умудрился отдать. В двадцать шесть познакомился с Наташей, разглядев именно в ней схожесть, торопливо открылся. Пока не понял, что жить с зеркалом так же невыносимо, как и одному. Верно, влюбись я, ничего такого не случилось, но чувства оказались выше нашей страсти и расчета разума. Я ушел, и тут только появилась Аля.

Поначалу наши отношения строились равными, но я чувствовал ее силу и вспомнил свою слабость, для меня она стала еще и старшей сестрой; именно к такой Але я тяготел, и ей пришлось согласиться. Не думаю, что она, решительная и сильная, долго колебалась. Верно, поначалу, видела во мне человека много сильнее и тверже. Да и надежней. Я куснул губу, не хочется сейчас вспоминать подобное. Но неожиданно в памяти воскресла наша первая интимная встреча: ничего не получилось, Аля еще пыталась меня завести, но я уж понимал тщетность ее игр, робко спросил: «Ты меня не бросишь?». Кажется, в этот самый миг поняв, кем она станет для меня. Поняла и она, немного рассеянно улыбнулась, но тут же склонилась, целуя и покусывая ухо.

С ней я продвинулся по службе, стал больше зарабатывать, занял нынешнее свое место. Не то, чтобы начальник зауважал, скорее, проникся к питавшей меня силе. С которой в кои-то веки мне было просто и радостно жить. И которая, где-то в глуби, еще сохранилась и теперь снова толкает, не давая затормозиться и махнуть на себя рукой. Ее стараниями я пригласил детектива, толковый мужик. Интересно, что он накопает в итоге?

Дверь раскрылась, я вздрогнул. Оказывается просидел до самого вечера, не заметив подкравшихся сумерек. Наташа подошла ко мне, я поднялся. Взяв под руку, прошептала: «Пора». Вместе с Аминой, мы пошли на автобусную остановку.

С утра я работал как заведенный, позабыв о времени, так что лишь ненамного отставал от прежней нормы. Начальство обеспокоило лишь раз, во время перерыва, поинтересовавшись самочувствием и детективом.

– Взял, работает, – ответил я, ощутив даже некоторую сопричастность с обычно неподступным руководителем. Тот кивнул, хотел что-то добавить, но некстати отвлекли, ниточка оборвалась.

После обеда вышел на свой прежний ритм, кто-то из сотрудников все это время брал на себя часть моих обязанностей, так что входящие освободились уже к четырем. Я заканчивал, как позвонили. Яков.

– Что-то узнали? – я догадался по голосу, что тот не с пустыми руками. Руки дрогнули, папки посыпались на пол.

– Да, узнал. Пока самое начало, касательно следственных действий в отношении... простите, привычка к канцеляриту. Удалось поговорить по душам с патологоанатомом – ему пришлось подписать две бумаги, первая следствие не устроило, за пятьдесят тысяч подписал вторую. Но результаты первой экспертизы он сохранил. В двух словах: в крови очень малое содержание бензодиазепамина, в желудке от таблеток не осталось ничего, врач предположил, что снотворное разложилось полностью, всосавшись в кровь, а это значит, прием был осуществлен много раньше, чем сообщил вам Беленький. И объем снотворного вряд ли превысил два миллиграмма. А чтобы отравиться... да двух пачек не хватит. Алкоголя, стимулирующего действие снотворных, так же, не обнаружено, как нет и других седативных или иных лекарственных препаратов.

– Она принимала сердечные капли. Должна была.

– Лидокаин или новокаин ей вводили при приступах?

– Нет, приступов не было. Аля принимала только таблетки или капли. Травы пила, ванны принимала, на электрофорез ходила.... Говорила, наследственное, – Оба родителя

так беспокоились за свое давление, что предпочли вовсе распрощаться с дочерьми, чтобы лишний раз не тревожиться о них.

– У нее и работа непростая, – согласился Яков. – Идем далее. Показания соседки подтверждают слова патологоанатома, вместо часа, Алена заходила к ней около десяти вечера. Соседка подтвердила, что отдала ей блистр, десять таблеток по миллиграмму каждая.

– Но ведь Тарас сказал, она подписала...

– Я не удивлюсь. Слепа как мышь, но очки носит только дома. Показания полиции не перечитывала, перед молодыми людьми неудобно стало, – он чему-то усмехнулся.

– Тарас посылал к ней оперативников, соседку по моей просьбе трясли по поводу возможного конфликта с Алей. Он мне так сказал.

– Вы могли бы сообщить мне раньше. Она ничего не рассказывала, хотя разоткровенничалась сильно, по их поводу тоже. Скорее всего, опера не приходили. Дальше. У меня только косвенные улики. При осмотре места преступления криминалист предположил скоротечную агонию, патологоанатом написал то же, но потом передумал. В разговоре оба сошлись, что для человека, решившего покончить с собой таким способом, характерны решимость и стойкость идти до конца. Ножом просто так не убьешь, извините, что вдаюсь в подробности. В случае вашей супруги, орудие вошло между вторым и третьим ребром, чуть выше сердца, по наклонной, перерезав... – навалилась дурнота, я пытался слушать, но багровая комната снова заплясала перед глазами. – Удар нанесен с близкого расстояния, сам по себе довольно слаб, не оставил гематомы. Его могла нанести как Алена, так и некто, стоявший вплотную к ней. Кто-то хорошо знакомый, следов борьбы не обнаружено, – Яков продолжал, не в силах остановиться, вываливал информацию. Меня трясло. – Невозможно предположить, что ваша супруга смогла выдернуть нож в таком состоянии. Оба опрошенных мной уверены, что действие произошло сразу, удар и вырывание.

– Кровь! – не выдержав, я вскочил и закричал. Аранович наконец замолчал. Ненадолго.

– Да, кровь должна остаться на рубашке, брюках... – он, наконец, понял и оборвал себя. Сотрудники так же стихли. Кто-то обернулся, но подойти не решался. – Я вас совсем замучил. Давайте перезвоню завтра или сегодня вечером. Или вы сами, когда сможете.

– У вас есть что-то еще? – не помню, сколько времени прошло, прежде, чем смог спросить.

– Про этот момент нет.

– Давайте... Я слушаю, давайте же, – он смутился, но продолжил:

– Телефон Алены из вещдоков исчез. Не факт, что Беленький, ему достаточно стереть контакты и взять сим-карту. Я пробил звонки Алены за сутки перед гибелью. Два раза звонила своей сестре. Еще два звонка на неустановленные номера, я пока над этим работаю.

– А с Тарасовым номером?

– Проверил, пусто. Но я не знаю номеров всех его мобильных, только служебного. Скорее всего, он пользуется другой симкой. Может и не одной. Или звонит через компьютер, вариантов масса... Алена тоже пользовалась ноутбуком. Его в квартире нет, или я просто не нашел. А найти надо.

– Забрали, – односложно произнес я.

– С этим сложнее, он не проходит по списку изъятого, а просто так вынести, ничего не дав оперативникам сложно. Дать тоже рискованно, хороший повод потом отыграть. Я давно заметил, что оперативные работники не в ладах с Беленьким, докладывают про него без задержек. Присутствовавшие при осмотре квартиры, заявили: в комнате найдено несколько неизвестных отпечатков пальцев, я снял копии на всякий случай, но, скорее всего, это соседей. Криминалист пожаловался, что Беленький поначалу осматривался без перчаток. Конечно, его «пальцы» идентифицировать просто, но вы понимаете, для чего он это делал.

– Шантаж? – я начал потихоньку приходить в себя. Новости перестали пугать, просто давили. Детектив молчал довольно долго.

– Пока это гипотеза. Беленький действительно мог забыться. Но тому должна быть веская причина, – он вздохнул. – Дело выходит непростым. Одну минутку, вторая линия, – в телефоне заиграла невыразительная мелодия. Я, подергивая ногой, прошелся по своей кле-тушке, снова сел за стол, поднялся. Наконец, Яков вернулся.

– Обнаружился подлинный владелец одного из номеров. Наш хороший знакомый, – у Арановича даже голос переменялся, я узнал его, точно такой же, как тогда, в машине, когда он готовился взять след. – Звонил Алене в семнадцать двадцать одну, разговор длился минуту семнадцать. Сразу после ваша жена сделала звонок, продолжительностью почти в десять минут на тот самый номер. Пока могу предполагать, кому и зачем.

– Звонил шантажировать, – это даже не вопрос, утверждение сквозь зубы. На меня смотрели, не скрываясь.

– Нужно найти ее ноутбук, – ответил Яков. – Если вы позволите, давайте завтра после работы, – я согласился, связь прервалась.

Я поднялся, но ватные ноги бессильно опустили на стул. Посидел какое-то время, кто-то из сотрудников, наконец, подошел, принес воды, дал таблетку, наверное, валидол, что-то ментоловое. Так и не понял. Рабочий день закончился, выбрался на улицу. Груз услышанного давил с каждым шагом все сильнее, я едва не вскрикнул, когда занес ногу на подножку автобуса. Нет, лучше сейчас, пусть темно, пусть жутко, но лучше сейчас сходить и все выяснить. Найти ее нетбук, это главное, сейчас это главное, – стучало в голове. Под этот неумолчный набат, я добрался до дома. Лифт работал, через силу прошел к двери, нет, закрыта... Немного легче стало дышать. Вошел, поворочав поскрипев ключом, будто с непривычки, вытер ноги, зачем-то крикнул в темноту «Аля!». И вздрогнул всем телом.

Зажег свет, везде, где только мог. Стал искать. Вытащил ящики из шкафа, возвращая, заметил что-то тускло блеснувшее внизу. Серебристый пластик плоской коробки. Нагнулся и вынул.

Нетбук раскурочен, задняя крышка держалась на двух едва привернутых винтах. Сдерживая дрожь, содрал крышку. Что там искали, искал... Тарас, кто же еще.

И засмеялся, захохотал, не в силах остановиться.

Он не знал, что у Алиного нетбука нет жесткого диска. Нет диска вообще, лишь встроенная флеш-карта. Все, что нужно для работы, начиная с операционной системы и кончая данными, Аля хранила далеко от этих мест, за пределами страны, полушария, на другой половине Земли. Где-то в Сан-Диего. Уж туда Тарасу точно не добраться. Пароля к нетбуку он не знал. Потому и решил, включив, пока я робко толокся в прихожей, что ему лучше выдрать жесткий диск и разобраться позднее. Каков облом!

Я позвонил Тарасу. Не хотел подходить, будто чувствовал.

– Что, сволочь, не докопался? Да я это, Руслан. Вот, нашел Алин нетбук, в котором ты жесткий диск искал. Ну как, наковырял? А я наковырял. И про твои пальчики и про патологоанатома, ну и еще много что, не я сам, Якова Арановича нанял, ты должен знать, – в трубке раздалась нечленораздельная ругань. – Вижу, хорошо знаешь. Так вот, за Алю я тебя урою. Понял, сволочь? – И отключил связь. Всего трясло, я едва смог добраться до выхода. Сел на лавочку, приходя в себя. Вместо бабулек, наблюдал за резвящимися детьми, в последние дни перед школой спешащих нагуляться как следует.

Телефон зазвонил сам. Тарас.

– Я хотел по-хорошему, вот честно, – скрежещущим голосом начал он. Кажется, перекипел. Да и я немного остыл. – Не хотел тебя тревожить, ты ж у нас психованный. Хотел, чтоб всем было спокойно, хорошо. Твоя жена ушла и все, ее уже не вернешь. И что тут поделывать,

рвать на себе волосы, биться головой об стену? Хорошо бы так. Только ты ж не можешь, тебе всех надо дотюкать. Чувствую, это уже не лечится. Но я попробую. Увидишь.

– Увижу, – ответил я уже замолчавшей трубке. Поднялся и медленно пошел к Наташе. Незачем застревать между прошлым и будущим. Завтра посмотрю, что она скрывала на серверах за океаном.

Вечером я завалился спать и впервые проспал как убитый, позабыв обо всем. Будто неведомая ноша с плеч свалилась, о существовании которой узнал лишь, когда плечи расправились. Наташа едва добудилась. Поспешил на работу, в итоге, опоздал, кажется, впервые за все время. Только прибыл, заявили двое полицейских с постановлением судьи Решетниковой. Из свидетеля я переводился в разряд подозреваемых в деле о смерти Алены Андроновны Катыковой. Долго отказывался верить, пока не выдали отпечатанную бумажку с гербом, где я должен был поставить автограф.

Вокруг толпились сотрудники, я никак не мог найти ручку, лежавшую прямо передо мной, вдруг вспомнилось, как я ходил в отделение, всплыл в памяти решетчатый изолятор временного содержания с серыми безликими мужиками, спящими под яркой голой лампочкой. Ждущими своей участи. Кажется, было шумно, и тогда и сейчас, я ничего не видел и не слышал, слепо шарил по столу в поисках, пока кто-то не вложил в руку писало. Зрение отказывало, я потерялся среди строк. Кое-как вывел фамилию, кажется, она вылезла за пределы бумаги и пошла по столу, гулять по другим бумагам. Собраться никак не удавалось, да какой там. Слышать не перестал, но понимать слова разум отказывался. Каждый удар сердца давался с невероятным трудом. Меня кто-то затряс.

– Катыков, да придите в себя. Все в порядке. Нет, не в порядке, но... да поймите главное, вас не сажают. Сейчас это важнее. Адвоката я вам найду, это просто так не останется, – не то белое лицо начальника дрожало, не то я так видел. – Руслан, вас помещают под домашний арест. Успокойтесь, всего лишь под домашний. Да, произвол, да надо бороться... но не раскисайте вы так. Я попробую добиться изменения, подам жалобу. И еще я оставлю за вами место.

Лица, лица вокруг. Знакомые, незнакомые, я потерялся в них. Не заметил как сменилась обстановка, а лица все продолжали колыхаться повсюду, возникали, исчезали, сколько ж их вокруг? – бесчисленные множества, никогда не думал, что увижу столько, что столько придут поглядеть на меня. Почему-то вспомнился крематорий, мы поднялись, знакомые незнакомцы, начали грузиться в микроавтобус. Вот и сейчас точно такая же машина возникла передо мной, странное дежавю. И лица вокруг, казалось, те самые. Как я устал от них. А мне еще что-то говорили оттуда, из этого мельтешения, советовали, кричали, шептали, отзывались эхом.

Дверь хлопнула, отсекая, отрезая их мельтешню, я даже вздохнул. Меня повезли куда-то – в прокуратуру, как выяснилось, где с ходу обыскали, отобрали мобильный, заставили подписать еще один протокол. Тарас – был ли он при этом, во время этого? Не помню, ничего не помню.

Первой, кого я увидел возле подъезда, была Наташа. Обняла, буквально, вцепилась, не желая отдавать; так, вместе, нам зачитали условия моего заключения. К тому времени у меня немного отошло от сердца, по дороге назад начал различать двух полицейских, сопровождавших меня в машине, и какого-то мужчины в спецовке, к которым присоединился человек в синем костюме прокурорского работника, в чине полковника, возможно, сам прокурор. Всю дорогу до квартиры он шел позади меня, незаметно подталкивая, казалось, даже находясь на ступеньку ниже, он превосходил меня ростом. Может, из-за фуражки с неприятно высокой тульей.

Наташа шла рядом, помогая идти, впереди двигался один из полицейских, мужчина в спецовке замыкал шествие. Странно, но я никого не видел ни на улице, ни на лестнице, будто вымерло. Точно все лица остались там, далеко, отрезанные лифтом на работе. И теперь город опустел.

Едва войдя, полковник представился, да, действительно прокурор. По сегодняшнему решению суда, он достал бумажку из кожаной папки, вы, Катыков Руслан Ахатович, переводясь из разряда свидетелей в подозреваемые, приговариваетесь к домашнему аресту на срок в два месяца с возможностью продления. Настоящим вам запрещается покидать место вашей прописки, за исключением случаев, угрожающей вашей жизни и безопасности, запрещается пользоваться мобильным телефоном и услугами сети Интернет, общаться со всеми, кроме перечисленных в списке, вот он. Прокурор подал мне копию списка, туда вошли он сам, Тарас, еще кто-то из прокуратуры в разных чинах, мои родственники и почему-то родители Али. А кроме них, соседи, Наташа и Яна. Моя, не могу сказать, бывшая, никогда язык не поворачивался, еще крепче вцепилась, прижалась ко мне.

Прокурор продолжал: на мой стационарный телефон сейчас установят прослушивающее устройство, все звонки будут записываться. Вот санкция, ознакомьтесь. На дверь техник ставит пластины, соединенные с видеокамерой напротив, таким образом, будет осуществлен контроль за моим нахождением внутри и за всеми приходящими и уходящими – как только дверь открывается, камера начинает работать. В список разрешенных посетителей будет внесен ваш адвокат, тут меня снова перетряхнуло, назначенный судом или выбранный вами. Все, кто пожелает вас увидеть, должен будет воспользоваться машиной прокуратуры, иначе исключение из списка. Вам, Руслан Ахатович, заблаговременно сообщат о прибытии визитера. Вы так же имеете право воспользоваться услугами врача, священника или иного лица, вам необходимого.

– А еда? – впервые, как вошли, разжав объятия, спросила Наташа. – Что есть он будет два месяца?

– Вам ежедневно будут доставляться горячие блюда из столовой прокуратуры. Помимо этого, бесплатно предоставляются услуги уборщицы, массажиста и... а нет, массажист сейчас в отпуске, и психиатра.

– Это вам Тарас Беленький психиатра предложил? – встряла Наташа.

– Это обязательное условие. Священник, тоже из прокуратуры. Вы, Наталья Андроновна, намерены остаться?

– Я сюда переезжаю.

– Нет. Визиты возможны с девяти утра до одиннадцати вечера.

– Как в гостинице, – сухо кашлянул я, попытавшись улыбнуться. Наташа снова вцепилась, не желая отдавать:

– В таком случае, раньше одиннадцати меня отсюда не ждите, – прокурор пожал плечами.

– Машина будет ждать.

– Я и пешком могу, до моего дома два шага.

– Машина вас ждет, – и вышел, оставив перечень разрешенного и запрещенного домашнему арестанту на шкафчике. Мастер доделал оборудование, полицейские проверили работу камеры и покинули нас. Дверь хлопнула: странно, как мы остались – наедине в квартире, соединявшей меня и Алю. Казалось, она вот-вот выйдет из комнаты... багровой комнаты.

Я вздрогнул, встряхнулся и тут только поднялся, Наташа не отпуская, встала следом.

– Ты как? – я неловко пожал плечами. Вроде легче стало, вроде тяжелее, перестал различать.

– Даже не знаю. Все так быстро. Непонятно. Ты хоть мне веришь? – спросил, сам зная ответ. Это не тот случай, не Аля, когда...

– Господи, Руслан, ну, конечно, – раньше она называла меня иначе. Даже сейчас не могла вспомнить прозвище и назвать, как прежде. – Конечно, а как же иначе. Ведь ты же... ты с ней... я ведь знаю. Тарас сволочь, я с ним поговорю завтра же, он должен понять и отпустить. Это даже не глупо, это... ребячество какое-то, не знаю, почему он так, – прижала к сердцу, как ребенка, движением этим явственно напомнив Алю. Почему-то показалось неприятным, кощунственным, что ли, я торопливо освободился.

– Да, это Тарасова работа. Дурак, зачем-то вчера наговорил, что хочу его отстранить от ведения дела, что им занимается Аранович. И про Алин нетбук... – Наташе я не рассказывал о вчерашнем открытии. Выказал в сердцах Тарасу, на душе полегчало, а ей уже хотел потом, когда доберусь до ресурсов, скрытых в другом полушарии. Чтоб уж наверняка доказать.

– Зачем ты так? Нанял кого-то, вот не надо было... – такая ж трусиха, как сам. Я попытался высказаться, она продолжила: – Я завтра приду к нему, поговорю. Я ведь твоя родственница.

– Почти, – впервые произнес это слово. – Мы не расписывались.

Вдруг начал сожалеть об этом.

– Нет, настоящая. Я ведь сестра твоей жены, – обоих кольнуло, замолчали. Через некоторое время она продолжила: – Я поговорю. А, все же, мне кажется, он прав насчет Али, понимаешь... – я не выдержал, усадил ее на шкафчик, выложил все, быстро, зло. Когда закончил, тяжело дыша, утирая пот, она по-прежнему сидела, ничуть не переменявшись в лице, глядя прямо в глаза. Я, смущенный неслучившимися переменами, отвел взгляд. Горло село от напряжения, последние фразы я договаривал с огромным трудом.

– Конечно, он сволочь, но ведь он желал тебе добра, – наконец, разорвала молчание. – С самого начала хотел оградить.

– От чего оградить, скажи на милость... – я закашлялся, тяжело, давясь воздухом. Немного отпустило. Я понимал, она истово верит, закрывается верой своей, стараясь не замечать ничего, кроме ложных выводов о смерти и сейчас ее не пробить, без фактов. Переломить может только весомое доказательство, не оставляющее от Тарасовых свидетельств камня на камне. Но почему она уверилась, почему ей так удобней? Неужто она плохо знает Алю? Да нет, не может знать плохо, они ладили, вплоть до моего появления, да и потом все равно поддерживали, худо-бедно, отношения. Значит, знает то, что я, уверенный в своей любви, прежде не хотел замечать? Как того надлома? Как ее страхов? Как... да много чего.

Я сел рядом, помолчали. Наташа пошла готовить ужин на скорую руку из спешно купленных по дороге продуктов. Тут только я спохватился, вспомнив ее появление.

– Тебя Тарас предупредил об аресте, да? – она не отвечала. – Ну тогда я... я понял.

– Что ты понял, что? Год с ней прожил, а так и не разобрался, и дай бог, чтоб так и оставалось. Она ушла, и наверное, правильно, что так ушла, пусть будет так, я не хотела бы, понимаешь, не хотела бы узнать другого. Для меня это честнее и правильной. Да что я говорю, ведь на самом деле так и было, если разобраться, она сама ушла, чтоб ни выкопали. – и тут же: – Не смотри на меня, ты не знаешь, хорошо, что не знаешь. Вам так легче было, ведь правда, вам хорошо было, да?

Меня мороз пробрал. Я поднялся и вышел, затем вернулся, неловко поцеловав в щеку. Наташа обняла и тут же отпустила. Не отошла еще, в отличие от Али, она медленно отходит. На словах быстро, но в душе...

Ели молча, каждый замкнувшись в себе. Потом уже просили прощения, пытались объясниться, исправиться, но уж больно неумело. Будто не хотели. Наташа решила попро-

щаться, я согласился. Забрала мусор с собой, поцеловала в щеку и попросила не беспокоиться, завтра придет снова.

– Не надо рваться, Таш, правда. Завтра Яна приезжает. Я справлюсь.

– Я не только из-за тебя, мне надо... – и замолчала. Съежившись, пошла к лифту, потом вспомнила, что не работает, стала спускаться, маленькая, одинокая, чужая. Я проводил ее, сколько мог слышать усталый стук каблучков. Входная дверь бухнула, только тогда я вернулся к себе. Нет, не к себе, в квартиру. Не свою, не чужую... вдруг я потерял ощущение сопричастности с жильем. Больше того, исполнился страхами багровой комнаты. Потихоньку вечерело, сумерки быстро заползли в комнату, заполняя ее точно смог, угарными миазмами страха. Чтоб ночевать в багровой комнате и речи не могло быть, я только раз перешили себя, чтоб зайти, забрал вещи из шкафа, устроился на кушетке в кухне. Там проще, там немного спокойней. Заперся, задвинул тумбочкой, закрыл щель под дверью.

И только тогда смог успокоиться и задремать.

Снилось разное, непамятное. Я ждал багрового, боялся глаза закрывать, вроде бы и закрывал, темнота сперва сгущалась, затем таяла... Утро наступило непамятно, будто пришло вслед за вечером. Встал только в девять, разбаррикадировался, вышел в коридор.

За окном похолодало, наступавшая осень принесла холод Арктики и понижение до тринадцати. Солнце рвалось из-за облаков, пытаюсь согреть землю, остановить уходящий август, но тучи шли полосами, низко, все больше сдвигаясь, лучи едва находили лазейки.

Переборов себя, вошел в комнату. Шторы раздвинуты, но квартира наша обращена на запад, только после полудня здесь будет солнечно. Аля не любила утреннего света, ей нравилось выходными подольше нежиться в постели. Этим она соблазняла меня, и я поддавался.

Сейчас не смог. Постоял и вышел. Словно в помощь, затрезвонил телефон, городской, я вздрогнул, отвык от его переливчатого звона. Все вдруг забыл. Бросился к его дребезжанию, как к спасительному выходу.

Звонили из прокуратуры, сообщали режим питания. В десять, в три, в шесть будет подъезжать машина. Или вы хотите получать все сразу, вечером, и разогревать сами? Вы так же можете воспользоваться услугами служб по доставке готовой еды, вы ведь знаете их номера телефонов.

– Я заказывал через сеть.

– Не волнуйтесь, вам вышлют справочник, – эта странная любезность пробирала до дрожи. Куда сильнее, чем, если бы вообще запретили питаться.

Едва успел положить трубку, телефон снова затрезвонил, будто со мной не договорили, требовали продолжения. Я бы не удивился.

Тарас. Будто почувствовал, ударил в самый момент. Или стоял подле телефона, поджидая? Да он все может, уже убедился.

– Ну здравствуй, Руслан. Я сейчас к тебе приеду, мне в течении суток надо снять показания. Не волнуйся, давить не буду, просто поспрашиваю.

– О чем? – голос немедля выдал. И боль, и злость и отчаяние. И страх, уже просочившийся, ночной и напозавший, утренний. Как-то они соединились во мне, сложившись, даже не удвоились, умножились.

– Поговорим, – трубка ответила перестуком гудков, затем стихла. Час я переминался в коридоре, прежде чем услышал скрип двери лифта, шаги и звонок. Непослушными руками отворил дверь.

Он был в форме, вот чего я никак не ожидал, перетряхнуло всего. Как когда вот такие же, только в сером, приходили с повесткой надеть форму хаки. Как позже, приходили в хаки, ошибившись подъездом. Приходили. И теперь пришли.

Всегда их боялся, сестра матери, да и бабушка, учили этому. Жизнь натаскивала избегать, увиливать, обходиться без их участия. Лучше самим, лучше не вмешивать, иначе, все равно, будет хуже. В голове засело намертво, не вышибешь. Все боялись. И начальство мое, и друзья, и сотрудники, и знакомые. Наверное, кроме соседки, что всегда звала их. Ее настойчивое безумие спасало. Боялись и ненавидели, и – кто же это сказал на одной из встреч? – пока страх пересиливает ненависть, страна еще жива. Зачем?

Тарас кивнул, обернулся – да, камера, про нее я вспомнил только сейчас, – улыбнулся ей, прошел, вдавливая меня внутрь. В багровую комнату, медленно наполняющуюся мертвенным дневным свечением. Солнце сдалось, зажатое тучами, не решалось больше появляться. Ушло в небытие.

– Не возражаешь? – он сел за стол, пригласил жестом устроиться напротив, разложил бумаги, достал диктофон. Стараясь не глядеть на кровать, на следователя, сжавшись, опустился на стул перед ним. – У меня несколько вопросов под протокол, – он немного помялся и произнес: – Мне кажется, ты так и не понял, что случилось. Постараюсь объяснить.

Я молчал, не решаясь посмотреть на бывшего однокашника, глядел на темные шторы. Они зеленого цвета, с бледно-желтыми цветами, сейчас же казались почти черными, ведь их тоже Аля касалась в тот день.

– Не хотел, правда. Думал, все решится, – я взглянул на него краем глаза. – Против тебя найдены серьезные улики. Про отпечатки на ручке это и так понятно, но помимо них найдены твои следы в незасохшей крови. Еще показания соседей, новая экспертиза тела Елены... Алены. Боюсь, все указывает на тебя. Да улики косвенные, но серьезные. Смотри...

– Ты из-за Арановича так, – он грохнул ладонью по столу, странно, я даже не вздрогнул. Замер, закоченел окончательно.

– Патологоанатом провел еще одну экспертизу тканей. Нож мог войти так, только если ударил сидящую стоящий перед ней. Сама себя Алена, по такой траектории, практически не могла, очень сложно. Да и тут же вытащить... нет. А вот кто-то другой всадить и выдрать – да. Но почему выдернул? Нанести второй удар? Нет, его не было. Только нож отбросил. Испугался хлынувшей крови – это скорее. Значит, бежал. А потом вернулся, когда схлынула ненависть, пришел страх. Вернулся, обнял, стал каяться, просить прощения или кричать, носить тело по комнате, баюкать... такое бывает. Соседи слышали крики, стоны, вопли, трудно сказать, что. Звонили, стучали, никто не отзывался. А дверь открыта, а за ней крики, стоны... вызвали полицию. Страшно ведь. И кровь повсюду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.